

Разные судьбы, одна история

The Oral Histories Project is carried out by students and faculty at Brandeis University. The publication of life stories is made possible by the Adam and Matan Adelson Multigenerational Program at Hebrew Rehabilitation Center in Roslindale, MA.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление.....	4
От участников проекта.....	5
Феликс Липманович Мещанский.....	8
Дмитрий Кельманович Богомольный.....	22
Аркадий Симхович Глинец.....	34
Раиса Табачник.....	44
Игорь Александрович Карлин.....	50
Виктория Самойловна Пекер.....	58

INTRODUCTION

In the academic year 2016-2017, four students from Brandeis University and one community volunteer participated in the project called "Individual Lives, A Common Story" at the Hebrew Rehabilitation Center (HRC) in Roslindale, MA. All participants were volunteers. This community service project was supported by Irina Dubinina, the director of the Russian language program at Brandeis University. Throughout the academic year, volunteers were engaged in interviewing the elderly residents of the HRC about their lives. This collection features six oral histories.

1

The following Brandeis students participated in the project: Rachel Feinberg'18, Emil Koenig'18, and Nathan Inkateshta'19. In addition, the project benefited from the services of the Fulbright Russian Language Teaching Assistant, Galina Gazizullina, and a community volunteer Natalia Dubinina. The oral histories recorded by these volunteers include tales of a pre-war childhood, of bombings and evacuation, of life in Romanian-controlled ghettos and s Nazi-run concentration camp in the occupied Ukraine, of unimaginable suffering, of fighting the Nazi occupiers at the front, of life's joys and challenges, of

the births of children and grandchildren, of anti-Semitism and friendship between people of different ethnicities, of love and dedication to one's profession, and of emigration. A major theme that is visible in all stories is the Great Patriotic War (the part of WWII fought largely on the Soviet territory), and many of the interviewees divide their lives into two unequal parts - before and after the war. For the young volunteers, oral histories told by the elders served as illustrations to the dry historical facts they learned at school, but often these stories taught them something new, something they were not even aware of before the start of the project. We are grateful to all participants of the project and hope that this collection of life stories will serve as a proof of the late Evgeny Evtushenko's words that "there are no uninteresting people in the world; the life of each individual is like a history of a planet."

От участников проекта «Разные судьбы, одна история»

Nathan Inkateshta

I feel honored to have had the opportunity to work on this project. Recording the incredible stories of the people who have lived through the trying circumstances of World War II has given me ample moments of reflection on my own heritage and family story. This project has helped me to contextualize my own identity as a Russian Jew, and I admire those individuals who fought to preserve it.

Galina Gazizullina

This project gave me a unique opportunity to put a human face on dry historical facts and dates. I learned real-life history colored by the emotions, feelings and thoughts of people who survived the war and other hardships of the 20th century. It also makes us - young people- more appreciative of the life and opportunities we have.

Emil Koenig

As somebody who grew up in both Russia and the U.S., I was exposed to Russian and American narratives of WWII. This project allowed me to learn in more details about the experiences of Soviet citizens on the Nazi-occupied territories. My interviewee, Arkadiy Glinets, has told the story of his survival several times before our meeting, and I can only imagine what it means to him to relive those times every time he tells the story. He survived unimaginable horrors, and he wants to make sure that the memory of victims (his family and friends) and the memory of Nazi crimes will not fade with years.

Natalia Dubinina

I always read a lot about the Great Patriotic War, and was especially drawn to stories about people surviving concentration camps. Unfortunately, we do not learn much about the suffering in the camps. Of course, we talk about the fact that they existed, but we cannot imagine what life was like for somebody in a ghetto or in a concentration camp. I consider it a great honor to serve as a volunteer in this project and to interview the elders. I am extremely grateful to both of my interviewees – Victoria Packer and Igor Karlin – for sharing their stories with me. I learned so much from this experience.

Rachel Feinberg

Growing up, I frequently heard stories about my family's life in the former Soviet Union during the Second World War, the daily realities of state-sanctioned anti-Semitism, the struggle for self-determination, and the years spent as refuseniks after being denied permission to emigrate. Having heard the same set of stories over and over again, I naturally assumed that they were representative of the norm. This project, however, exposed me to new and different narratives from that of my family's, and by spending time interviewing Felix, I began to truly understand how the experience of being Jewish in the former Soviet Union was not

a monolithic one. Through this project, I have gained an even greater appreciation for the unique and personal narratives of everyone who lived through the 20th century, and hope to be part of more story-collecting projects in the future.

Феликс Липманович Мещанский

Записано Рейчел Файнберг

Феликс Липманович в геодезической экспедиции.
После войны

Феликс Липманович Мещанский родился в Москве 16 октября 1926 года. Одесская мудрость, которую любит Феликс Липманович гласит: «три вещи важны - от кого родиться, у кого учиться и на ком жениться». Он считает, что эти три вещи у него совпали: у него были замечательные родители, он учился у талантливого геодезиста - профессора Александра Александровича Изотова, которому Феликс Липманович считает себя многим обязанным, и он удачно женился.

Родители

Отец Феликса, Липман Борисович Мещанский, родился в Вильне (современная Литва). Во время Гражданской войны Вильна принадлежала Польше, и, начиная с 1919 года, нацио-

налистически настроенные польские власти проводили ряд дискриминационных действий против еврейского населения города. В период польского правления прошло много погромов, и еврейская молодежь встала на защиту своего народа. Липман Мещанский был активным членом еврейского национального спортивного общества Маккаби, которое противодействовало погромщикам. За оказанное сопротивление Липмана и его товарищей арестовали и посадили в тюрьму, откуда он был освобожден Красной Армией, захватившей Вильну во время войны с белополяками. Липман ушел из города вместе с отступающей Красной Армией в составе конного корпуса Гая¹, в составе которого потом воевал на Украине. После войны, году в 1921, Липман приехал в Москву, где уже жил его средний брат (младший остался в Вильне) и поступил в Институт геодезии, аэро съемки и картографии (который в то время назывался Межевой институт). Там он познакомился со своей будущей женой - Фаиной Львовной Соминой. Фаина была родом из Даугавпилса (Латвия). Она попала в Россию из Латвии в числе многих евреев из черты оседлости, которые во время Первой мировой и Гражданской войн бежали от военного разрушения и погромов на восток.

1-Гая Дмитриевич Гай (Гайк Бжишкян), советский военачальник, командир 3-его кавалерийского корпуса.

Кафедральная площадь. Вильна. Вид до Первой мировой войны

После окончания института оба работали по профессии, и папа особенно достиг больших успехов. Он работал главным инженером в тресте геодезии и астрономии. После войны он заболел туберкулезом в полевых условиях, но прожил долго. Феликс говорит, что болезнь «спасла» его от репрессий. А начальник отца был расстрелян. Мать кончила аспирантуру, должна была защищать кандидатскую, но началась война и нарушила все планы.

До войны семья жила в небольшой коммунальной квартире в двух комнатах (большая и поменьше). Кроме семьи Мещанских, в квартире еще жили две маленьких семьи по 2 человека каждая и одна большая, которая куда-то уехала потом. Феликс Липманович даже помнит адрес своего первого жилья: Первый Переведеновский переулок, дом 15, кв. 9, хотя этого дома уже давно нет (после войны эти дома сносили, потому что они старые).

Война

Вот как рассказывает о войне Феликс Липманович: «Я встретил войну, когда мне было 14 лет, 15 мне исполнилось 16 октября 1941 года. Это был день, когда еще немножко, и немцы взяли бы Москву. Ведь немцы были уже в районе Химки. Я помню, как папа пришел с работы и сказал, что надо немедленно уезжать, что ему приказали немедленно покинуть город. Москва была в жутком виде: летали горелые бумаги, жгли документы. Все в панике, люди бежали, бежали, бежали, кто как мог. Бомбежки были...

Мне тоже приходилось дежурить на крыше, чтобы обезвреживать зажигательные бомбы. В нашем районе было много деревянных строений, отопление было дровяное, поэтому там мог бы случиться большой пожар. И немцы сбрасывали на нас зажигательные бомбы. У них малый вес, и самолет может тащить их огромное количество. Дежурил я регулярно, но с бомбой имел дело один раз. Запомнилось, как тащил такую бомбу с соседом: ее надо было хватать щипцами и бросать в песок (на крышах стояли ящики с песком)»

Семья уехала в эвакуацию осенью 1941-ого года в Саратовскую область, город Вольск, потому что туда эвакуировали предприятие, на котором работал отец. Это был достаточно большой городок, застроенный, в основном, деревянными домами. Мещанских поселили в дом к какой-то семье, из которой мужа забрали на фронт, а через месяц он вернулся уже без руки. Феликс вспоминает, что они дружили с этой семьей, и что «все люди города были очень приятные».

Самая сильная память войны для Феликса – это голод: «питание было жуткое. Помню, что мы получали продукты где-то. Если получали какие-то внутренности животных с бойни – это была радость. Помню, как получали сахар однажды, и кто-то немного рассыпал, и одна молодая дама встала на колени и прямо языком слизала все. Я помню голод, вот и все».

Через какое-то время, достаточно быстро, отец Феликса вернулся в Москву, а сам Феликс с мамой приехали попозже. Феликс успел закончить 8-ой класс школы в Вольске, хотя начал учебный год уже в ноябре, и пришлось много догонять в начале. Он помнит товарищей по школе в Вольске: это были ленинградские дети, которых успели вывезти из блокадного города. Они жили в интернате, родителей не

было, и они в школе дружно общались.

К 1942 году война перешла к Волге, а Феликс с мамой вернулись обратно в Москву. Они застали свою квартиру разграбленной: «там ничего не было». Тут возникли сложности со школой, потому что школы в Москве не работали, и Феликс материал 9 и 10 классов изучал самостоятельно дома и сдавал экзамены экстерном за оба класса. Таким образом, в 16 лет он уже кончил школу и поступил в тот же самый институт, где раньше учились родители.

Из детства Феликсу больше всего запомнилось «начало войны, бомбежки Москвы, когда она чуть не пала, наше бегство из Москвы и возвращение и учеба среди голода... мы голодали». Кроме того, Феликс запомнил один эпизод из детства, который повлиял на всю его жизнь. Довоенным летом семья Мещанских отдыхала под Москвой (недалеко от г. Жуковский) на своей даче. С ними была двоюродная сестра Феликса, которая была намного старше его и которая была замужем за человеком, занимавшим достаточно высокое положение в партии. Он был из «старой гвардии», т.е. еще дореволюционный большевик, получивший образование в Сорбонне и чудом уцелевший в партийных чистках. Его звали Борис Городецкий, он был лет на

20 старше сестры и тем летом он умирал на даче Мещанских. Городецкий беседовал с Феликсом как со взрослым и рассказывал про Сталина то, что стало публично известно только позже. Родители были в ужасе: «зачем мальчику 14 лет это рассказывать?» Но Феликс считает, что этот человек сделал правильно и дал ему хорошую порцию знаний, из которых он сделал правильные выводы. Например, Феликс не был в комсомоле, что было практически невозможно в СССР и никогда не пытался стать членом партии.

Во время войны погибли родственники отца в Вильнюсе: младший брат с семьей и другие родственники попали в гетто и там погибли. Но двоюродные братья Феликса сбежали из гетто и партизанили в Литве. Они были радиотехниками, а это была самая насущная специальность, и немцы возили их работать на аэродром. Феликс рассказывает, что за них держался какой-то немецкий офицер, и даже посылки им передавал. Эти двое ребят решили бежать из гетто, уговаривали отца, но мать была больна, и отец не решился. Уйти можно было только в партизаны, а туда уйти можно было только с оружием. Братья ушли, а родители погибли. Оба брата были тяжело ранены и были переправлены на большую землю. Одного из них папа Феликса

привозил в Москву из госпиталя под Рязанью на поправку, и этот брат рассказал Мещанским про войну самое страшное.

День победы Феликс помнит очень хорошо. Они с другом были на Красной площади, был всеобщее ликование, военных качали на руках. Феликс видел парад, которым командовал Жуков, и запомнил такое зрелище: на аэростатах был поднят в небо огромный портрет Сталина. Феликс говорит, что это было «как впечатление бога». Дома у Мещанских в День победы вспоминали погибших родственников. Феликс говорит, что узнал о победе на день раньше, потому что папа во время своего дежурства на предприятии по радиоприемнику услышал, как Лондон передает колокольный звон по поводу окончания войны. Феликс часто вспоминает этот день: «было совершенно невероятное ликование, и самое главное, - что казалось, что после этого, вот именно теперь, все будет хорошо!»

Жизнь после войны

Феликс Липманович рассказывает о жизни после войны и о сталинских реп-

рессиях: «То, что ожидали в конце войны, что все будет хорошо, совсем не так было. Война – это голод, голод, голод, а после войны была карточная система, опять голод. Довольно тяжелая обстановка была после войны: в это время поднялся антисемитизм. До войны и в войну его не было. В 1952-ом году шел процесс Сланского² в Чехословакии. Это был антисемитский процесс, когда все руководство словацкой компартии во главе с первым секретарем были казнены. Мы понимали, что это генеральная репетиция. В 1952 году я должен был заканчивать аспирантуру, и когда я защищался, я боялся, что обернется это все каким-то скандалом. Начиналась самая страшная пора, связанная со сталинскими планами истребления евреев. Началось все с Дела врачей. Мою жену после университета взяли в академическую группу академика Вовси³ (тот самый, который возглавлял группу врачей-убийц). В войну он был главный терапевт армии, академик, генерал, очень известный человек. После ареста Вовси жену уволили с работы, она кое-как продержалась 2-3 месяца (она сирота). Вот такая была жизнь после войны... еще чуть-чуть и начались бы казни. Мы все слышали и

2-Процесс, проходивший в Чехословакии с 20 по 27 ноября 1952 года, как показательный суд над группой видных деятелей Коммунистической партии, пытавшихся выстроить дружественные отношения с лидером Югославии Иосипом Тито. 11 из 13 осужденных были евреями, включая Рудольфа Сланского.

говорили о депортации, но Сталин умер».

«У меня лично была трагедия. Девушка, на которой я хотел жениться и всячески к этому стремился, была наполовину армянка, наполовину русская. Ее звали Натэлла Хитарова. Ее отец, Рафаэль Хитаров, был еще дореволюционным коммунистом, в 1936 году он был направлен в Магнитогорск секретарем городского комитета ВКП(б), а в 1937 году его арестовали по обвинению в шпионаже и антисоветском заговоре, потом забрали и мать, а девушке моей тогда было, наверное, 6 лет, её сестре было 5, и еще был брат. Они попали в приют, потом в подростковом возрасте она попала в Москву, жила с бабушкой и няней, кончила школу с золотой медалью, несмотря на то, что клеймо было (дочь врага народа). И вот я прихожу к ним в очередной раз (в 1951 или 1952 году), а няня рыдает и говорит, что девчонок забрали. Я сначала не знал ничего, потом оказалось, что они где-то в средней Азии. Натэлла сама запретила мне пытаться к ней поехать. Она сказала, что наши судьбы не могут быть никак вместе. Я не видел ее четыре года, потом она вернулась, но уже

З-Мирон Семенович Вовси, советский ученый-медик, доктор медицинских наук, генерал-майор медицинской службы, академик АМН СССР, Заслуженный деятель науки РСФСР, после войны работал в Кремлевской больнице консультантом, был арестован в 1953 г по «делу врачей» и освобожден после смерти Сталина.

ничего не получилось. Судьбы сложились совершенно иначе».

Профессиональная жизнь

Феликс Липманович окончил Институт геодезии, аэросъемки и картографии (одно из двух старейших технических заведений в Москве) в 1948 году с отличием, одним из трех человек с красным дипломом из 100 студентов. К концу учебы у него уже были научные публикации. Его взяли на работу в Центральный научно-исследовательский институт геодезии, где в 1952 году защитил кандидатскую, а в 1954 году его привлекли к работам, связанным с ракетно-космической областью, где он проработал 30 лет. Феликс Липманович занимался системой управления ракетами, затем системами дальней космической связи (гигантские радиопередающие антенны). Он считает, что его жизнь сложилась весьма интересно, потому что он попал

Феликс Липманович в геодезической экспедиции.

в такую область, «где надо было работать, работать и работать».

В ракетной отрасли он занимался по своей старой профессии – геодезии. Вот как он объясняет свою работу: «Баллистические ракеты запускаются, они летят к цели, но двигатели выключаются во время полета. Пеленгатор (необычайно сложное устройство), который необходим при работе с баллистическими ракетами, похож на геодезический инструмент, поэтому я был нужен. Я поездил с этим прибором по всей стране. Потом эта система отмерла, и меня перевели на дальнюю космическую связь (большие радиопередающие телескопы). И я долго с этим работал, до самой пенсии».

В 1972 году Феликс Липманович защитил докторскую диссертацию. Это было нелегко, потому что, во-первых,

Феликс Липманович в геодезической экспедиции.

он попал в аварию и получил серьезную травму позвоночника, а во-вторых, на его работах был гриф секретности, и, по его словам, ему «ставили много препятствий». Когда он пригрозил, что уйдет с предприятия, его допустили к защите. Решение писать докторскую созрело, когда Феликс Липманович еще лежал в больнице и когда врачи выдали ему не самый хороший прогноз: «и у меня возникла цель, что я должен весь свой потенциал реализовать сейчас. Я попросил моих сотрудников привозить мне материалы и писал, писал, писал. Я почувствовал, что иначе все провалится куда-то».

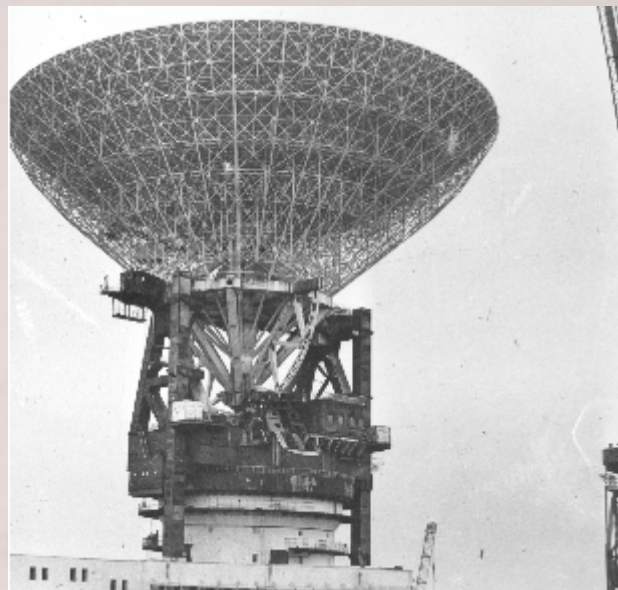
Феликс Липманович выбрал свою профессию, потому что «имел тяго-

тение к этому делу: ведь это профессия моих родителей, они поженились еще студентами, и я как-то тянулся». Интересно, что отец Феликса был категорически против такого выбора, потому что считал, что в этой профессии 90% становятся полевыми инженерами и спиваются, а другие несколько процентов идут в науку, и это нелегкий труд. К счастью отца, в геодезических экспедициях Феликс проработал совсем немного. Это было вместо службы в армии: институт один из немногих получил право давать бронь студентам от армии.

Феликс Липманович считает, что в его профессии самым трудным была новизна («мы были первопроходцы») и невероятно сложные устройства: «антенны дальней связи – это область сверхвысоких частот, есть высокие требования к этим антеннам, это космический инструмент. Проблемы этого оборудования решались впервые.

Феликс Липманович в геодезической экспедиции.

Здесь мы были первые. Много трудностей с этим, много неверных путей в поиске ответов на вопросы. Система дальней космической связи была наземной, но были еще системы и на кораблях. У нас в стране эти корабельные комплексы были в северных широтах. Это безумно сложные системы, американцы этого не делали». Феликс Липманович написал несколько книг по специальности, много статей и даже написал мемуары.

В 1986 году, когда Феликсу Липмановичу исполнилось 60 лет, он вышел на пенсию. Его жена Лиза тоже стала пенсионеркой. У них были довольно большие пенсии, так как оба были докторами наук. Феликс Липманович еще преподавал эпизодически, как почасовик.

Работа в секретной сфере

Работа в засекреченной области была связана с различными трудностями, проверками и обстановкой одновременного доверия и недоверия. Вот как Феликс Липманович рассказывает об этом: «После смерти Сталина отношение к евреям было хорошее, и меня взяли на работу в ракетно-космическую область. В то время это была очень престижная, засекреченная область. У меня были неприятности - ко мне относились с подозрением - из-за моего положения. Во-первых, в партию я не вступал, и я был человек, который не был в комсомоле, это считалось уникальным (а я сознательно не был в комсомоле). А во-вторых, с Лизой (женой) уже у нас образовался круг друзей, которые считались диссидентами. На работе сложилось своеобразное положение: доверяют - не доверяют, доверяют - проверяют.

Тот факт, что я не был в комсомоле, как-то не привлек внимания. Была война и так далее, и это не было заметно. Но стало заметно потом, когда я работал в области, где серьезно были поставлены вопросы идеологии, и моя

непартийность была неуютной вещью. Вот в таком некомфортном состоянии я проработал 30 лет. Меня то и дело должны были уволить. Но всегда перевешивало, что я нужен. Меня старались не выдвигать; если отправляют на награду, то мне давали второстепенные награды. Вот так я существовал. Были премии и награждения, но меня проверяли».

«Помню вот такой эпизод. Я понимал, что нахожусь под очень пристальным вниманием. Однажды мы с Лизой и с дочкой должны были идти на какой-то концерт вечером, у меня была машина тогда, мы почти доехали, но я вспомнил, что я что-то забыл дома - то ли бинокль, то ли билеты, и мы вернулись. И я вижу, что у нас в квартире горят все окна. Я бегом без лифта на пятый этаж и вижу, что в квартире на столике возле телефона лежит недокуренная папироса. Видимо, бежали очень быстро. Я понял, куда они бежали. Над нами была чердачная - это довольно большое помещение -, там всегда висел замок. Очевидно, у них был ключ. Я убежден, что вся моя квартира была увешана подслушивающими устройствами, у меня ведь собирались разные люди (не те, которые желательны были). Я тогда же подумал, что среди моих многочисленных друзей и особенно сослуживцев

есть люди, которые работают в КГБ. Кто-то из этих друзей сказал КГБ, что нас не будет (я вычислил пару людей, которые знали, что мы идем на концерт)».

«Если говорить, что меня преследовали, я не могу этого сказать. С одной стороны, я очень подозрителен для властей, с другой – я очень нужен, и заменить некем. Когда говорят о гонениях евреев, это все правильно, это было, но еврей – это также было и знаком качества. Когда создавали какую-то новую отрасль, предприятие, назначают начальником какого-нибудь Иванова, а он сразу задает вопрос: «а сколько евреев можно брать?» Там наверху чистейшие животные – антисемиты, а пониже уже думают люди. Вот такой деловой антисемитизм был».

Друзья-диссиденты

Так получилось, что Феликс и Лиза Мещанские были дружны с разными диссидентами. Они не скрывали своих дружеских связей, а у Лизы особенно их было достаточно. Однако, Феликс Липманович «вел себя очень аккуратно: если собиралась компания, меня

предупреждали, мол будет иностранец, тогда я не приходил».

Знакомства состоялись следующим образом: «Один из самых знаменитых советских диссидентов - Сережа Ковалев - учился с Лизой в университете на одном курсе, и они подружились. Потом Лиза работала в Институте терапии с мамой Павла Литвинова (тот, который вышел на Красную площадь с 7 другими с протестом во время Пражской весны, он был руководителем, и их забрали. Павел был внуком Наркома Литвинова, министра иностранных дел при Ленине). Они работали вместе, потом подружились. Они были самыми близкими нашими друзьями.

Диссиденты для меня - это критическая оценка строя, это мирные протесты против несправедливости. Наше общество было неразвитое, а диссиденты старались сделать его лучше. В основном, это были люди науки (физики, математики). Они были более образованные, они читали на иностранных языках, это были люди другого типа. В основном, это была высокая интеллигенция. Евреи или русские – не имеет значения. Большинство были русские. Кто из них эмигрировал, кто остался, многие сидели, кто работал в новом правительстве при Ельцине...».

Семейная жизнь

Жена Феликса Липмановича, Елизавета Борисовна Новикова, рано потеряла родителей. После войны свирепствовал тиф, родители умерли, и она осталась совсем одна. Она много работала, сама себя содержала и стала биологом, после института попала в группу академика Вовси, а потом до пенсии проработала в Общесоюзном кардиоцентре. Она тоже защитила кандидатскую и докторскую.

Со своей женой Феликс Липманович познакомился так: «У Лизы была комната в коммунальной квартире, и она пустила жить к себе свою сокурсницу, не москвичку, потому что той негде было жить в Москве. Эта девушка где-то в Крыму на отдыхе познакомилась с одним моим товарищем, а потом через

Феликс Липманович с Елизаветой Борисовной на первом свидании

какое-то время, этот товарищ пригласил свою девушку и Лизу на новый год в нашу компанию. Потом та пара – мой товарищ и подруга Лизы – очень быстро поженилась, а мы с Лизой несколько лет были знакомы. Мои друзья очень хотели, чтобы мы поженились, прилагали к этому усилия, но требовалось время, чтобы все успокоилось со всех сторон. Я в это время уже работал с ракетной техникой, занимался на военном полигоне (км 200 от Москвы), приезжал только на воскресенье или субботу, когда отпускали. Однажды я приехал, и мы решили пойти в ЗАГС. Это было 1 апреля, там никого не было (считается, не очень хорошо жениться в этот день). И я упросил, чтобы нас зарегистрировали через неделю, потому что я ведь не каждый день могу приезжать в город. Вот так мы поженились через неделю после подачи заявления, а на следующий день я опять уехал на неделю».

Дочь Мещанских, Анна, закончила юридический факультет Московского университета и работала адвокатом. В

Феликс Липманович с дочерью Анной

1989-90 года она выиграла огромный конкурс Фонда Сороса для представителей области права и поехала в Америку по этой программе. У нее только что родился сын, и родители уговорили ее ехать, несмотря на то, что мальчику был всего один месяц. Они убедили ее, что это уникальный шанс и что о внуке они позаботятся.

Феликс Липманович с дочерью Анной

Развал СССР и эмиграция

Дочь осталась в США после окончания программы. В это время в Москве стало довольно сложно жить: «на ребенка нужны были миллионы, а детское питание искали по всей Москве». Несколько лет Феликс и Лиза ездили к дочери в США. Потом внук Юрий остался с мамой, и Мещанские начали думать о переезде: «Мы не рвались. Я был занят – преподавал - и не соби-

рался ехать. У нас обоих была довольно хорошая пенсия. Мы долго не хотели эмигрировать, но дочка уже не собиралась возвращаться, сказав, что никогда больше не желает жить в России. Два года мы ездили туда-сюда (полгода там, полгода здесь), и вот пришли к выводу, что надо переезжать. Никто меня не принуждал, никто меня не преследовал, время было смутное – горбачевское, были большие трудности бытовые, но для нас это не было причиной эмиграции».

Таким образом, Феликс Липманович попал в эмиграцию «постепенно». При переезде он больше всего боялся отсутствия общения в новой жизни, но, к счастью, попал в среду русских эмигрантов примерно его круга, и дискомфорта почти не было. Он является членом Клуба русских ученых в Бостоне и неоднократно читал там лекции. Однако, по его словам, он плохо вписывался в американскую жизнь, потому что существует огромная разница между культурами.

Трудным в эмиграции оказалось то, что его и их с Лизой общие друзья остались в России, и их уход из жизни трудно переживать издалека. Конечно, в Америке появились новые друзья, но «это уже не так». Сейчас, с горечью констатирует Феликс Липманович, в России почти уже никого нет, он всех

пережил.

Что он знал об Америке до отъезда? В основном, его представления были связаны с техникой и наукой («я прекрасно понимал, что в области науки и техники мы отстаем катастрофически, и что этот разрыв только увеличивается»).

Среди самых счастливых моментов своей жизни Феликс Липманович называет День Победы. Он считает, что у него с Лизой счастливый брак. Они много путешествовали по Советскому Союзу, плавали на байдарках, и эти путешествия остались в памяти светлыми пятнами. Кроме того, есть много счастливых моментов, связанных со спортом: его достижения (а он занимался гимнастикой, лыжами, волейболом, шахматами) тоже помнятся эмоционально. По волейболу у Феликса Липмановича первый разряд!

Феликс Липманович с женой
в Амстердаме

Какие периоды в жизни были самыми страшными? Феликс Липманович называет два: время войны (голодная жизнь, учиться было очень тяжело) и последний период

Сталина перед его кончиной, когда все ждали уничтожения евреев: «более страшного года, чем 1952 я не помню».

Больше всего Феликс Липманович гордится тем, что никому никогда в жизни ничего плохого не сделал (хотя считает, что его жена ещё лучше его, потому что она даже плохого слова ни про кого не сказала). Он доволен своей работой и достижениями в технике, но есть одно изобретение («абсолютно не по моей части»), которым он особенно гордится. «Дело касалось регулировки установок передних колес на машине под углами. У советских машин это наиболее слабое место. К тому же, плохие дороги и отсутствие стенов, на которых эта регулировка должна делаться. В Москве, может быть, было 2 таких стенда. Я изобрел способ делать регулировку вне стенда, в собственном гараже (способ не очень удобный, на пузе надо было лазить, но тем не менее)». При помощи одного знакомого бизнесмена Феликс Липманович получил патент на свое изобретение (что стоило больших трудов), и предприятие этого бизнесмена приступило к пробному производству. Но устройство было сделано неправильно, его отправили на переработку, дело затянулось, и время ушло. Начали появляться специальные станции для регулировки. Как говорит Феликс Липма-

нович: «я не разбогател, и само изобретение утратило всякий смысл (оно смешное), но я им горжусь».

Сейчас

Феликс Липманович уже с трудом читает, потому что глаза ослабли, но продолжает быть активным членом Клуба русских ученых, где, по его словам, собирается «народ продви-

Феликс Липманович с дочерью Анной.

нутый», и ведутся интересные дискуссии. Он считает, что приложил большие усилия, чтобы внук говорил по-русски, но язык у него сохранился только устный: «Он вырос в другом мире, в другой культуре». Феликс Липманович хотел бы, чтобы внук знал русскую литературу, потому что она одна из величайших в мире, и историю, но понимает, что у молодых людей интересы другие.

Что важно в жизни? Феликс Липманович считает, что нужна какая-то цель, к которой стремишься, и нужна победа.

Феликс Липманович с Рейчел, 2017 год

Дмитрий Кельманович Богомольный

Записано Галиной Газизуллиной

Дмитрий Кельманович родился и вырос на Украине, потом жил в Свердловске (ныне Екатеринбург) до эмиграции в Индианаполис. Эта история его жизни, рассказанная им в 2017-ом году.

Детство

Дмитрий Кельманович родился в селе Новая Прилука, в Липовецком районе Винницкой области на западе Украины 12 февраля 1924 года. Его отец, Кельман Беркович Богомольный, был бондарем (делал и ремонтировал бочки), а мать была домохозяйкой. Профессия бондаря в семье наследственная. Дед Дмитрия по отцовской линии тоже был бондарем в Новой Прилуке, и отец

Дмитрия много рассказывал ему о своих родителях. Известно, например, что во время Гражданской войны село переходило из рук в руки; там стояли и махновцы, и петлюровцы. Когда пришли банды, дедушка Дмитрия Кельмановича собрал всю семью, посадил их в погреб и замаскировал вход, чтобы не нашли, а сам он вышел на улицу, как его ни упрашивали, и его зарубили пашками петлюровцы.

Мать, Лэя Мовковна, родилась в городе Липовец: «когда пришло время отцу жениться, ему сказали, что сваха высмотрела для него хорошую девочку в городе. Он поехал в Липовец, увидел ее, женился и забрал к себе в Новую Прилуку».

У Дмитрия Кельмановича есть одна сестра, Дора, старше его на три года. Семья была рабочая, все много работали. Хотя семья была еврейской, дома разговаривали на украинском. Дмитрий и в школе до 7-ого класса учился на украинском языке. Потом семья переехала из Новой Прилуки в Винницу, потому что в селе для отца не было работы, а в городе он устроился работать на мясной завод бондарем. В городе Дмитрий учился уже в русской школе.

Дмитрий Кельманович считает, что у него было самое обыкновенное

детство. В свободное время в детстве ему нравилось играть в футбол: «в селе было много разных команд - одна в одном кутке, другая в другом кутке. У нас сильная была команда». Своим героем Дмитрий Кельманович в то время считал Чапаева, «потому что тогда все были чапаевцы».

Мать, Дмитрий и сестра . До войны во дворе церкви

Война

В день, когда должен был быть выпускной вечер, началась война; Дмитрию было 17 лет. О том, что началась война

он, как и все другие жители Винницы, узнал рано утром 22 июня, потому что город бомбили немецкие самолеты. Его вместе с другими молодыми людьми собрали в военкомате и отправили под Ворошиловград на уборку хлеба. По дороге немцы бомбили поезд, парни выскакивали из вагонов, но спрятаться было негде, потому что вокруг было чистое поле, и ничего кроме лопухов: «мы легли на землю, а головы под лопухи спрятали. Страшно было...»

В колхозе под Ворошиловградом рабочий отряд свозил хлеб на вокзал на элеватор, оттуда его отправляли в тыл. Дмитрию дали двух волов, и на них он возил зерно. Команда была большая – 250 человек. Пробыли они в Ворошиловграде недолго, так как фронт быстро приближался.

Старший лейтенант, который был во главе отряда, в какой-то момент просто исчез вместе с документами ребят, которые он собрал у них, что-бы получить питание на весь отряд. Дмитрий Кельманович считает, что он сбежал. Отряд распался, и теперь уже каждым своим способом уходил от наступающих немцев.

Из Ворошиловграда Дмитрий Кельманович попал в Сталинград, хотел двигаться дальше на восток, но на пароходах не было мест: все было

забито беженцами (люди лежали и сидели прямо на земле). Они с товарищем попытались попасть на отходящий пароход, но не смогли, и, как оказалось, к счастью. Как только пароход отчалил, налетели немецкие бомбардировщики, и этот пароход был разбит на глазах у молодых людей. В конце концов, они сели на баркас, который перевозил рыбу по Волге, и в трюме, воняющем рыбой, плыли всю ночь до Астрахани.

В Астрахани оказалось еще больше народа. Дальше двигаться было сложно, и Дмитрий Кельманович пошел искать место работы. Он устроился работать котельщиком в школу ФЗО (фабрично-заводского -обучения). Вновь прибывших расселяли по баракам: «я зашел туда, посмотрел и расплакался. Я так давно был сам по себе: ни кушать нечего, ни спать не было, вши заедали. Мастер спросил - «что ты мальчик плачешь?», а я говорю - «увидел, что койки белые стоят, что такая чистота, что за много месяцев я увидел жилье и что в столовой меня будут кормить». Их бригада состояла из трех человек, работа была тяжелой; они делали металлические листы, которыми на кораблях и баржах заделывали дыры: «в этом месте баржи и пароходы подходили, и мы их ремонтировали. Они шли вниз по Волге. Мы

только их отремонтируем, только их заправят, как раз немец заходит и топтит эти корабли. И Волга горела неимоверно, страшно было смотреть. Все это горит и вниз течет по Волге».

Работа котельщиком была связана с большим риском для жизни и здоровья: «однажды с мастером ремонтировали трюм парохода, и страшно было. Снаружи бомбят, а нам надо много ремонтировать. Я устал очень. А там такая большая кувалда, тяжелая. И пацан еще один с нами работал. И мастер ставит зубило на заклепку, я с одной стороны кую, а мальчик с другой стороны. Однажды я промахнулся, устал очень. Мастер увидел это, разозлился, но потом остыл. Понимал, что нам тяжело». Во время работы в ФЗО Дмитрий Кельманович работал на сварке и получил световой ожог глаз, но вернулся на работу всего через несколько дней: «мы тогда в трюме работали, и я насмотрелся на сварку. Меня оттуда забрали в санчасть, я плакал, кричал и рыдал, потому что очень больно было. В санчасти дали капли и не допускали к сварке пару дней».

В ФЗО Дмитрий Кельманович проработал котельщиком три месяца, а потом его отправили в военно-авиационную школу механиков в Астрахани. Когда нависла угроза захвата города фашистами, школу эвакуи-

ровали в Усть-Каменогорск в Казахстане: «Был один день, черный день. Видим за городом зарево. Это немец близко подходил к Астрахани. Нас посадили на два парохода и отправили в Усть-Каменогорск. Там был проход узкий, назывался могила, потому что там немцы атаквали пароходы, топили их, и там свалка была пароходов, но мы проскочили». После 3 или 4 месяцев обучения в школе Дмитрия Кельмановича отправили механиком в прифронтовую зону в Калининской области: «Это был особый разведывательный полк с новыми самолетами. Аэродром находился прямо в лесу. Там была полянка только для посадки самолетов, а сами самолеты стояли в лесу. У каждого самолета была своя стоянка. Каждый самолет был так замаскирован, что над нашим полком несколько раз пролетал разведывательный немецкий самолет и нас не увидел. На поле было опасно выходить, потому что немцы сразу стреляли. Когда нам вылетать надо было, нам заранее давали команду. Вот все приходят к своим самолетам. У каждого своя елка. По команде все сразу выпрыгивали, убирали деревья, самолет по команде выскакивает, и тут же ставишь на его место елку. Еще натягивали сетку, потому что она рассеивает, и с воздуха нас не видно». Пока самолеты летали, у механиков

было свободное время, и они собирали грибы в лесу: «вот мы однажды взяли чехлы от винтов и пошли в густой лес, набрали полные чехлы грибов и бегом обратно на стоянку. Огонь где попало нельзя было разжигать, поэтому шли к кухне. Один отвлекает завсклада, а второй крадет картошку. И варили грибы с картошкой в цинках (цинковая коробка для патронов)».

Механик нес большую ответственность за самолет: «механик был самый главный. Считалось, что это вот твоя машина, ты обслуживаешь ее. После полета летчик к тебе идет и докладывает, что не так было с самолетом – мотор барахлит, приборы отказали или еще что-нибудь. Я работал над устранением неполадок». Потери летчиков были большими, вспоминает Дмитрий Кельманович: «много самолетов немцы сбивали. Один самолет, три человека, 23-его года рождения, совсем молодые ребята, подбили, они чуть-чуть не дотянули до аэродрома, уже буквально на верхушках деревьев были, зацепились, не успели на посадку зайти, и втроем сгорели».

К концу 1942 года угроза захвата немцами Астрахани была ликвидирована, и молодых механиков, таких как Дмитрий Кельманович, отозвали с фронта доучиваться. Закончив обучение механика в Астрахани, он попал на

военный авиационный завод в Москве: «выпускали по одному самолету каждые два-три дня. Бригада у нас была – я, старик лет 50-60 и девочка и мальчик. Мы делали фюзеляжи, работали по 12 часов, а то и по 20 бывало. Ночью я, взрослый почти, и этот старик работали, а девочка и мальчик под вечер уже спать хотели. Цеха у нас большущие, сверху трубы проходили, где отопление. Мы смотрим вечером, вдруг нет мальчика и девочки. Думаем, они не могли дезертировать. А потом мы увидели, что они по этим трубам забираются на самый верх, а между трубами потом ложатся и спят, а с утра потихоньку по другим трубам спускались вниз. Мы их не ругали, они же дети, жалко их было, когда они сонные работали вечером. Главный конструктор Туполев приходил несколько раз в день и ходил по цехам. Цехи были разбиты на части самолета – кто-то делает каби-

Чанчунь. Самолет, за который был ответствен Дмитрий Кельманович (ноябрь 1945)

ну, кто-то фюзеляж. Он, когда приходил, не любил, чтобы его сопровождали, сам шел».

«Я работал на этом заводе 8 месяцев. Мы все просились с завода на фронт. Наконец, наши письма дошли до наркома обороны, и нас начали отправлять с завода в военные части. Я попал в военную часть под Москвой на учебный аэродром: там переучивали летчиков на военные самолеты. Это было интересно и страшно. Я попал в часть, где был первый самолет с двойным управлением – ТУ-2. Работал с утра до ночи. Тяжело было. Я работал на очень хорошем самолете, сумел его довести до ума, и все летчики любили только на нем летать. И командир эскадрильи тоже его любил. Он меня звал на свою машину, но я сказал, что не перейду, у меня хороший летчик. Но командир же большой начальник, поэтому он меня к себе забрал. Вот я

Боевые товарищи (1946 Ляодунский полуостров)

у него на самолете всю войну прослужил».

Дмитрий Кельманович рассказывает о подготовке к войне с Японией: «под Москвой мы подготовились на войну с Японией. Мы летели до Казани, потом Свердловск, Новосибирск, Иркутск и через Байкал в Улан-Удэ. Там был аэродром, где совершали тренировочные полеты. Лётчики летали над Байкалом. Я там тоже учил летчиков обращаться с самолетами, потому что знал их лучше. Мы, механики и техники, вставали в 4 утра, чтобы самолет был готов к приходу летчика. Когда началась война с Японией, мы стояли уже под Порт-Артуром на берегу моря. А дальше за Порт-Артуром был город Дальний, под ним у нас и был аэродром».

«Собака с нами летала - немецкая овчарка. Она знала свое место в самолете. Овчарка со мной летала всегда. Она всегда точно предсказывала своим поведением, когда мы улетаем. Когда должны были лететь, она сразу бежала к самолету и сидела около, не отходила. Когда гнали самолеты на восток, на аэродроме в Свердловске столовая была далеко, у меня времени не было в нее ходить. Ведь мне надо самолет проверить, дозаправить, все моторы, двигатели, масло проверить. Весь экипаж шел в столовую и приносили

мне покушать. Овчарка с ними вместе была. Вот овчарка мне в корзине еду приносила. Всю войну собака с нами была. Все приходили смотреть, как она приносит мне еду. Когда в Монголии стояли на аэродроме, мне пришлось какое-то время жить под самолетом в палатке, потому что один летчик разбил самолет, и мне надо было отремонтировать его. Овчарка с нами жила и нас охраняла. Это был не аэродром, а чистое поле, и охраны не было. Так если кто-то появится близко, то овчарка поднимает тревогу и показывает нам, где кто находится. Такая вот собака была хорошая».

Дмитрий Кельманович встретил победу на аэродроме в Китае. Ему был 21 год.

Судьба родителей

Родители Дмитрия Кельмановича остались в оккупированной Виннице. Об их судьбе во время войны рассказал сам отец, выживший оккупацию чудом. Приход немцев означал смерть, и родители решили идти пешком в Новую Прилуку, хотя мать уже практически не могла ходить пешком. Пока они добирались до села, туда уже пришли

немцы, учинили погром и убили всех евреев. По дороге Кельман и Лея натолкнулись на немцев, которые повели их на расстрел. Отец Дмитрия понимал некоторые слова на немецком, слышал, что фашисты спорят о том, отпустить двух стариков, неизвестно откуда и куда идущих, или расстрелять. Как случилось то, что случилось, отец Дмитрия не помнил и не мог рассказать в подробностях, но когда он пришел в себя, оказалось, что они оба висят на колючей проволоке, а немцев рядом нет. Кое-как они пришли в себя и решили вернуться в Винницу. На следующий день после того, как они вернулись в город, вышел приказ всем евреям собраться в одном месте для регистрации. Всех трудоспособных и тех, кто имеет какое-нибудь ремесло забрали в одну команду. А всех остальных, которые не имели никакой работы и никакой специальности или были немощными, расстреляли за городом. Отец рассказывал, что были слышны выстрелы и крики, что были три большущие могилы для взрослых, а детские могилы были отдельно. Мать Дмитрия Кельмановича была расстреляна вместе с другими нетрудоспособными евреями. Это произошло в конце 1941-ого года.

Отца определили работать на плодово-овощной комбинат. Бригадиром в их

После войны

команде был мужчина, связанный с партизанами, и однажды утром он тихо «на ходу» сказал Кельману и его напарнику, что часа через 4 соберут всех евреев и расстреляют. И отец Дмитрия решил бежать. Он хорошо знал Винницу и вокзал. Зацепившись за один из вагонов, он незамеченным уехал из города.

Таким образом он добрался до села под городом Шаргород (Винницкая область), где попросился переночевать у хозяев одного дома, и так и остался у них. Он работал на лесоповале, делал клепки для бочек, а с работы приносил домой стружку, которой обогревали избу. Хозяйева, по словам Кельмана, были семьей раввина и держали его именно за то, что он приносил домой стружку. Он также рассказывал своему сыну, как ходил на свалку и собирал там гнилую картошку и другие овощи, себя кормил и хозяевам приносил. Так он прожил три года, скрываясь от фашистов. Ему удалось выжить во многом потому, что Шаргород был включен в район Транснистрии, которая была отдана немцами их союзникам румынам. Румынские власти организовывали еврейские гетто, но не проводили акций по уничтожению евреев. После освобождения советской Украины Кельман вернулся в Винницу на мясокомбинат к своей профессии бондаря.

Об оккупации Винницы и расстреле евреев Дмитрий Кельманович узнал из радио и газет, но о смерти матери и о том, что отец остался жив, он узнал только после войны через свою тетю, которая жила в Москве и наладила связь с родственниками в Виннице после освобождения. Отец и сын обменялись письмами и таким образом узнали, что оба живы. Четыре года ни тот, ни другой ничего не знали друг о друге и имели все основания предполагать самое страшное.

Сестра Дмитрия, Дора, закончила медицинский институт в Виннице еще до войны и работала врачом. Она успела эвакуироваться во Фрунзе до прихода немцев и, благодаря этому, тоже выжила. Она вернулась в Винницу к отцу после освобождения.

Дмитрий Кельманович вернулся в Винницу после окончания войны с Японией и пошел работать на 45-ый военный завод заместителем начальника цеха сначала на ремонте машин, а потом на производстве новых специальных машин для заправки ракет. Хотя было уже мирное время, это тоже была трудная физическая работа.

Семейная жизнь

Со своей женой, Кларой Йосифовной Кальшвар, Дмитрий Кельманович познакомился в 1951 году благодаря своей сестре. Дора заболела и была вынуждена уйти на больничный, а Клару временно взяли на ее место в больнице. Дора с Кларой подружились, и Дора организовала знакомство брата со своей молодой коллегой. «Я был на работе, ко мне прибегает племянник и кричит «Дядя Митя! Быстрее домой!» Я отпросился у начальника и пошел домой, а там она. Я не имел ни малейшего понятия, кто она такая. Но вот так и познакомились. Я ее потом до трамвая проводил, посадил и все. Прихожу домой, а сестра говорит: «где Клара?»»,

Дмитрий Кельманович с женой Кларой Йосифовной

я говорю: «я отправил ее домой». Сестра спрашивает: «ты спросил, где она живет?», я говорю: «нет, не спросил». Сестра думала, что вот девушка незамужняя, что мы познакомимся... А я не в курсе дел. Неопытный был. Она мне дала бутылочку с пенициллином и велела отнести это ей домой. Я пошел. Вот так мы и начали разговаривать и поближе познакомились. Два месяца повстречались и потом в 1952 году поженились. Это была небольшая свадьба дома, человек на 25».

В 1953-ем году у Богомольных родилась дочь, которую назвали Мариной: «она была очень тихим, спокойным, воспитанным и послушным ребенком, и все ее за это любили». После школы она училась в Ленинградском институте точной механики и оптики. Институт она тоже закончила на отлично и могла бы распределиться в очень хорошее место, но евреев не охотно брали в престижные места. В итоге, она поехала в Свердловск на оптико-механический завод». Там Марина познакомилась со своим будущим мужем - Йосифом Файвеловичем Вайзбурд. У них родилась дочь Ева. Сначала Марина с Евой каждое лето ездила к родителям в Винницу, которые жили в своем доме с садом, в котором росли чудесные яблоки: «сад небольшой был, но хороший. Из спальни через окно пере-

гнёшься и крупные яблоки берешь. Очень вкусно. Яблонь очень много, сливы, вишни. Яблок хватает на целый год». Дмитрий Кельманович до сих пор скучает по своему саду.

Жизнь в Свердловске

Через три года после рождения дочери у Марины родился сын. Чтобы помочь ей с детьми, Клара и Дмитрий решили переехать в Свердловск. Клара сразу же устроилась работать в больницу детским врачом, а Дмитрий Кельманович - в штат управления области. Они жили в самом центре города - через дорогу от Главпочтамта, а Дмитрий Кельманович работал в здании напротив своего дома. А из окна своего кабинета он мог видеть, как его жена гуляет с внуком, и он сам мог выходить к ним и играть с мальчиком.

Еврейская жизнь

На Украине в Виннице пока был жив отец Дмитрия Кельмановича, вся семья соблюдала еврейские праздники, а

после его смерти все прекратилось. Однако, когда дочь вышла замуж, они снова начали соблюдать еврейские традиции, потому что семья зятя придерживалась всех традиций.

В Америке Дмитрий Кельманович не участвовал в жизни еврейской общины, хотя он очень благодарен общине Индианаполиса за помощь, оказанную его семье в эмиграции. К тому же, он был занят внуками: они с женой нянчились с детьми дочери и детьми брата зятя. Но сейчас каждую пятницу Дмитрий Кельманович ездит на Шаббат к дочери, за ним заезжает его зять, и они вместе проводят каждую пятницу.

Эмиграция в США

Дмитрий Кельманович говорит, что ни он, ни его семья не испытывали антисемитизма в России, но в 1990-ые годы все уезжали: кто в Израиль, кто в Америку. Вопрос эмиграции был решен зятем, мужем Марины. Его родители уже уехали в Америку, кроме того, у них здесь были родственники, которые прислали вызов семье. Зять настаивал на переезде, но Клара Йосифовна категорически не хотела никуда уезжать, а зять не соглашался ехать без

родителей жены. В конце концов, Дмитрий Кельманович с женой решили ехать только потому, что внукам переезд дал бы возможность получить хорошее образование, а внуку не пришлось бы идти в армию.

Получение документов на выезд было хлопотным делом, семье нужно было ехать в Москву в посольство, Клара Йосифовна очень сильно болела, поэтому этот период запомнился как очень тяжелый.

Вся семья летела на чартерном самолете в Америку. По словам Дмитрия Кельмановича, это значит, «что мы ехали на самолете, который вез баптистов. И на нем для нас «отвоевали» 4 билета». Семья прилетела в Бостон, где их встречал весьма состоятельный родственник зятя на своем собственном самолете, «в котором он в Россию на коммерцию летал». Из Бостона на частном самолете родственника семья прилетела в Индианаполис.

«Мы думали, что тут плохо будет, что тут люди не живут. Мы приехали, и нам дали квартиру. Мы туда зашли и остолбенели. Не поверили своим глазам! Две комнаты, кухня. Кровать стоит, все в кухне есть, даже тряпка половая лежит! В спальне кровать, постель, посуда, все! В холодильнике все продукты есть, даже ведерко с мороженым стоит! У нас глаза на лоб.

Поверить не могли, что это все наше, что все это нам. Жена сильно болела, на следующий день врач пришел. Ее поставили на учет, повезли к доктору. А детям три комнаты дали, тоже рядом с нами. Зять и дочь быстро устроились программистами, они уже хорошо знали язык».

В Бостон Дмитрий Кельманович с женой тоже переехали ради детей. Их внучка переехала в Бостон, и ее родители и бабушка с бабушкой решили переехать вместе с ней: «вот такие вояжи мы проделали, чтобы оказаться здесь».

Семья Дмитрия Кельмановича

*Немного о жизни,
о России, об Америке*

Нравится в Америке? «Нравится, потому что все нам дали. У нас тут (Hebrew Rehabilitation Center) и комната своя, хорошая, и питание три раза в день».

Что не нравится в Америке? «Нет такого. Тут все как-то для людей».

Скучаете по чему-нибудь в России?

«Вообще не скучаю. Только по дому в Виннице и по саду. Окно откроешь, перегнешься и рвешь яблоки. А какие яблоки! Здесь таких нет!»

Важно ли, чтобы внуки и правнуки знали русский язык и культуру? «Очень важно. Они все знают и русский язык, и культуру. Внуки и правнуки интересуются русской литературой. Старшая правнучка читает и стихи знает. Правнук сначала не хотел говорить по-аглийски, но потом пошел в садик и школу, теперь говорит».

Если бы не переехали в США, какой была бы Ваша жизнь? «У нас бы вообще жизни не было. Мы оба заболели. И болезни нас бы просто подкосили. В России тоже получали лечение, но здесь все-таки качественнее».

Какие моменты в Вашей жизни были самыми счастливыми? «Жизнь в Виннице, дом, сад, работа. Там я свободно себя чувствовал. В Свердловске тяжело было, там климат тяжелый».

Самое трудное время? «Начало войны. Да, все время трудное было. Потому что еще ребенком ушел из дома. Один пиджачок, старые ботинки...»

Что самое важное? «Чтобы семья была дружная, сплоченная. Мы всегда дружно жили. И сейчас, дочка с затем почти каждый день приходят. А по пятницам мы к ним на Шаббат ездим. Важно то,

что мы с детьми. Детям и внукам совет – чтобы они дружно жили, чтобы они держались друг друга. Без этого жизнь – не то. Когда имеешь родителей близко, то легче жить».

Чем вы гордитесь? «Горжусь своим внуком (Бен Вайзбурд), он очень талантливый, работает успешно. Три его программы по всему миру идут. Он пользуется большим авторитетом. Он работает в MacArthur Lab и пишет программы для анализа ДНК».

Дмитрий Кельманович и Галина, 2017 год

Аркадий Симхович Глинец

Записано Эмилем Кенигом

Детство

Аркадий Симхович Глинец родился 5 ноября 1928 года в городе Могилев-Подольский в Винницкой области Украины. Его родители тоже родились и выросли в Могилеве-Подольском. Отец, Симха Пейсахович, был ветераном Первой мировой войны и работал охранником в типографии. Мать, Фейга Мошковна, была белошвейкой. В семье было семеро детей, Аркадий Симхович – самый младший. К началу войны старшая сестра, Маня, 1913-ого года рождения, жила в Ямполье со своим мужем и пятилетней дочкой Бэллой; старший брат Мотя (Михаил), 1915-ого года рождения, был кадровым военным (старшим

политруком) и был женат; вторая сестра, Хана (1918 года), тоже была уже замужем, ее сыну Ленечке было 5; Полина (1920-ого года) училась в педагогическом институте в Одессе, сестра Ида (1923-его года) закончила 9 классов школы, а сестра Мина (1926-ого года) закончила 7 классов. Аркадий Симхович до войны успел закончить 5 классов. Он был отличником на радость родителям. Его любимым предметом была математика, а литературу он особенно не любил.

Могилев-Подольский был маленьким городом, в котором жили, в основном, украинцы (50%) и евреи (42%). Еврейская община была большой, в городе была синагога и много молитвенных домов. Семья Глинец соблюдала традиции и праздновала все еврейские праздники. Любимым праздником Аркадия в детстве была Ханука. Симха Глинец ходил в синагогу молиться два раза в день.

Вот как Аркадий Симхович описывает свой город и свою жизнь до войны: «город был прифронтовой, по реке Днестр проходила граница с Румынией. Пограничники стреляли, поэтому мы купались только на своей стороне. Тогда еще купались женщины отдельно, а мужчины отдельно. Хороший был город. До войны в городе была синагога в два этажа, стены все золотом

покрыты. И был очень красивый шкаф, где хранились свитки Торы. До войны я не ходил в синагогу. Отец мой ходил, утром и вечером. Дома говорили на русском и на украинском и на идише. На русском говорили, когда жили в городе Могилев-Подольский. Когда переехали в село, говорили по-украински, но учился я в украинской школе. В городе тоже все говорили на трех языках. После школы я ходил в фотокружок, этим я увлекался особенно, и в танцевальный кружок. Зимой на коньках катались возле дома Красной Армии, летом на велосипеде катались, играли в пекарь¹, в шашки, некоторые - в шахматы. А еще я играл на скрипке. До войны брат служил в Польше. В 1939 или 1940 году он приехал в гости и привез мне авторучку. А до войны у кого в СССР авторучка была? А за границей все было. И скрипку привез. Я сам учился на ней играть. В музыкальном кружке я играл на мандолине. Я помню, как нас посвящали в октябрята, я чувствовал гордость. И пионером был. Это было что-то особенное. Галстуки все завязывали, там не было еще зажимов. И всю одежду гладили. И мама провожала меня».

«Героем был пограничник Карацупа². Тогда модно было шпионов ловить. Мы потом тоже в шпионов играли: ловили и судили, играли в заседание суда «за

1- Русская дворовая детская игра, родственная городкам и салочкам.

измену родине». В фильмах показывали, как надо ловить шпионов. Мы знали все правила. В игре одного ставили шпионом. Он прятался где-нибудь, а мы за ним следили. Отношения с друзьями не сохранились. Все погибли в войну, кроме Володьки Драгомиретского и Зины Гольнштейн».

«Для родителей были курсы ликбез. Меня мама всегда брала с собой. И с нами там всегда играли и давали покушать. Вкусно было. Не то, что дома. Семья-то бедная была, многодетная. Мяса купят, и то только внутренности на всю ораву. А в ликбезе хорошо кормили».

Война

В июне 1941-ого года старший брат Мотя с семьей был в гостях в Могилеве-Подольском. Утром Аркадий Симхович с братом пошли на базар, и там услышали объявление о том, что началась война. Мотя сел на первый поезд (в 6 часов вечера) и поехал в свою часть. Больше Аркадий Симхович никогда его не видел. Он пропал без

вести: «он по всем статьям подходил под уничтожение немцами: коммунист, еврей и офицер Красной Армии. Так что если он попал к немцам, то его сразу уничтожили. А может, погиб на передовой». Сестра Полина, которая в Одессе училась в педагогическом институте, переучилась на медсестру и была на фронте. Она пережила войну и соединилась с братом Аркадием после освобождения Украины. Историю о том, что случилось со всеми остальными членами семьи, Аркадий Симхович рассказывает не в первый раз. Этот рассказ был записан Эмилем Кенигом, студентом Брендайзского университета, в 2016 году.

«Мы попытались эвакуироваться, но немцы продвигались так быстро, что нам не удалось уйти далеко. Сестра Хана с сыном и родители добрались до города Черновцы благодаря ее мужу, которому как военному (он был снабженцем в армии) дали лошадей для эвакуации семьи. А отец жены брата забрал меня, Иду и Мину к себе в село (он работал директором ферментации в селе Слобода-Ярышевская, где выращивали табачные листья в 30 км от города). Из этого села нас на нанятом извозчике тоже привезли в Черновцы, чтобы вместе всем эвакуироваться. Мы

2-Знаменит своими рейдами против нарушителей границы, во время которых он использовал хорошо обученных собак. Написал книгу «Записки следопыта» о пограничной службе. Его имя многократно упоминалось в советской прессе и ставилось в пример пионерам и школьникам. В 30-е годы прошлого века имя Никиты Карацупы в Советском Союзе было у всех на устах. Он был кумиром миллионов.

хотели на утро двигаться дальше, но не успели – утром немец уже вступил в город. Я увидел первого немца меньше, чем через месяц после начала войны. Я видел, как немцы сбросили 13 стриков-евреев в речку Мурафу с высокого моста и стреляли в них налету. Мы жили в домике у речки возле синагоги, и я все видел. Немцы вытаскивали из синагоги книги, сжигали их и мочились на свитки Торы.

Через два дня в город вступили румыны, и нам разрешили вернуться в Могилев-Подольский. 30 км до дома мы прошли ночью, потому что после Черновцов очень боялись немцев. Наш дом был разрушен и разграблен, а еще через месяц (в августе 1941-ого) началось наводнение. Дамба на Днестре была разрушена, и вода быстро прибывала. Мы спасались в соседнем двухэтажном доме. Нас спасли мадьяры (венгры) – союзники немцев:

Евреи, депортированные из Бессарабии. Ямполь.

они перевезли нас из этого двухэтажного дома на площадь, где не было воды. Они были союзники немцев, но помогали нам. Это было очень удивительно. Они, видимо, нас пожалели. Через два дня вода спала, и мы вернулись в свой дом и начали думать, что уже все хорошо, но тут организовали гетто.

Гетто занимало 16 улиц и переулков, они были ограждены колючей проволокой, и были сделаны ворота. Из гетто разрешалось выходить только на работу. Внутри гетто был базар, но евреев туда пускали только после 12 дня и только по определенным дням, поэтому еду было трудно купить. Однажды, я увидел, что за советские рубли продают овощи, я протянул 10 рублей, кто-то из очереди крикнул «это же жидня!», и они прямо мне на голову эти овощи высыпали, и я убежал. В гетто мы были с 15 августа 1941 до 20 июля 1942. Зимой еды вообще не хватало. Люди умирали с голоду. В нашей семье еще были деньги. Но рубли были валютой только первые месяца два, а потом были немецкие оккупационные деньги. Их у нас не было, поэтому вещи продавали.

Румыны гоняли евреев из гетто на работы. Дядю моего, например, взяли на строительство деревянного моста, они там работали в ледяной воде, и дядя умер от воспаления. Женщин и де-

тей брали убирать улицы. Никто за это не платил. Во время оккупации местное население стало резко враждебным. Хоть мы и вместе жили, а у них накопился антисемитизм. Говорили, что 23 года мы работали на вас (на советскую власть), а теперь вы на нас работайте. Украинцы дружили с румынами, они-то нормально жили. Румыны брали взятки. А евреев уничтожали.

В гетто были еврейские полицаи. Они соглашались на это, потому что им платили. А даже если не платили, по-пробуй откажи! Сразу застрелят. Были хорошие полицаи, которые помогали, но редко. Хотели выслужиться, надеялись, что спасет их это. В гетто, как в тюрьме. Каждый день ждали смерти. Все понимали, что скоро смерть придет. Все знали, что евреев истребляют. Везде вокруг расстреливали евреев. По районам каратели ходили. В Боровке расстреляли 300 евреев. В Моевке расстреливали евреев. Мой двоюродный брат хотел нанять извозчика, чтобы его с семьей вывезли из села Озаринцы. Извозчик хотел три буханки хлеба, а мой брат мог дать только две, а за две он не повез. Только извозчик уехал, вступили немцы в село и выгнали их всех в сторону села Конева на дорогу, велели выкопать яму, ему и еще одному парню. И когда они выкопали яму, им велели раздеться.

Могилев-Подольский памятник евреям-жертвам концлагерей и гетто

Они начали ботинки расшнуровывать, но замешкались. Им лопатами отрубили ноги и бросили живьем в яму и закопали. После войны тетя поехала туда, наняла людей, чтобы трупы перевезти в село Озаринцы на еврейское кладбище.

Осенью 1941-ого года в город начали сгонять бессарабских евреев, их были тысячи, их некуда было селить, из-за скученности начались болезни, потому что у всех были вши, и румынские власти решили отправить нас, жителей Могилева-Подольского, в концлагерь к немцам.

В августе 1942-ого года нас пригнали в лагерь недалеко от села Печора (Тулчинский район Украины). Немцы называли этот лагерь «Мертвая петля». Условия в лагере были ужасные, охранники издевались, избивали и убивали узников. Однажды на территорию ла-

геря приехал грузовик, схватили молодых людей, затолкнули в машину и отвезли к немцам строить дорогу в село Стрижавка, за Винницей, там проходила дорога к ставке Гитлера. Мои сестра Ида, Мина и я оказались в этом грузовике. И вот по дороге я понял, что это смерть. И я рискнул. Я испортил воздух и попросился в туалет. Два конвоира зажали нос: «фу, кто навонял?». И колонна остановилась, один из конвоиров меня скинул с машины, я выждал момент и побежал. Конвоиры вдвоем по мне стреляли. Пули летели надо мной, но меня не задели. Я сбежал, но идти мне было некуда, и я вернулся в лагерь там же остались папа, мама, сестра Хана с ребенком и тетя.

В 1943 году появились проводники, которые втихаря выводили людей из лагеря. Из Мертвой петли нас вывел знакомый (Моня Ройзман), который пришел за своей семьей, но они уже все умерли. Мои родители, я, сестра Хана с сыном Ленечкой и тетя Этя совершили побег в апреле 1943. Шли ночами, тайком, пили воду из луж. По дороге умер сын Ханы, мы даже не смогли его похоронить. Таким образом мы дошли до Могилева-Подольского, вернулись обратно в гетто.

В августе 1943 я опять попал в облаву, которая проходила в гетто. Нас повезли под Одессу в Ананьев на ремонт

дороги. Эшелон с закрытыми дверями был, в каждом вагоне было по 100 и больше человек. По дороге поезд сломался и остановился где-то в поле, конвоиры двери открыли и стояли курили. Мы еще с двумя ребятами, моими друзьями, выскользнули из вагона под колеса и убежали. Если бы конвоиры повернулись, нас бы пристрелили. Но нам повезло, и я опять вернулся к родителям.

Родители и Хана еще в Мертвой петле заболели чахоткой. В январе 1944-ого года в могилевском гетто умер мой отец, потом умерли Хана и тетя, сестра отца. Так я остался совсем один.

День освобождения, 19 марта 1944 года, я помню очень хорошо. Я уже поселился в нашем доме. Немцы его разломали, но я там жил. Когда пришли наши, я устроился работать в воинскую часть в Могилеве в пекарню. Я приносил и относил дрова. Там пекли хлеб для солдат. А потом тетя Дина (сестра мамы) взяла меня к себе, и мы с ней поехали в Ямполь к ее дочери, которая осталась жива с двумя хлопцами. Мне предлагали остаться в воинской части и идти с ними на Берлин, но я не захотел. И мы с тетей встретили день победы в Ямполье. Мне было всего 16 лет.

Я пошел искать, где заработать. Продавал книжки какие-то. Однажды пошел стричься к парикмахеру, разгово-

рились с ним. Он очень хорошо знал мою двоюродную сестру. Я ему все рассказал про войну. Он спросил у меня, что я дальше собираюсь делать. Я сказал, что не знаю. В школу не хочу возвращаться, мне же надо денег зарабатывать. И он меня взял в ученики. Я работал с ним подмастерьем, а потом он дал мне два кресла. В Ямполе стояла воинская часть, и был военный парикмахер. Ему дали третье кресло в нашей парикмахерской, и он брил и стриг офицеров. Очень хороший мастер был. У него были немецкие инструменты, он меня тоже учил. И он тоже хотел меня с собой забрать, я бы встретил победу как военный».

После войны

Уже после войны Аркадий Симхович узнал о судьбе сестры Полины и сестры Мани. Как оказалось, Маня погибла первой из семьи. Она с пятилетней дочкой Бэллой жила в Ямполе на момент начала войны. Когда пришли немцы, всех евреев сначала согнали в гетто, а потом расстреляли. Людей загнали в подвалы и расстреляли, а потом еще забросали гранатами.

Сестра Полина летом 1941-ого года закончила педагогический институт, но с началом войны ее отправили на трехмесячные курсы медсестер. Она прошла всю войну в медсанбате и была контужена. После войны ее перевели работать медсестрой на шахты в глубоком тылу. После освобождения Могилева, сестра написала в горсовет, чтобы узнать о судьбе своей семьи. И когда выяснилось, что Аркадий выжил и что он совсем один, Полина отпросилась с той работы и приехала в Могилев-Подольский. К учительской профессии она уже не вернулась, продолжала работать медсестрой. Через какое-то время она вышла замуж и уехала в Чер-

Аркадий Симхович с женой Розой

новцы, забрав с собой брата. Там Аркадий Симхович устроился работать парикмахером. Полина заставила его закончить вечернюю школу, после чего он поступил в ветеринарный институт в Киеве (1951-1956). Там Аркадий встретил свою будущую жену, тоже выжившую в гетто и лагере, Розу Семеновну Калихман. Они встречались 5 лет, пока не поженились: Аркадий учился, а Роза уже работала в Коростене, и он к ней приезжал на выходные. У них была тройная свадьба: Роза с Аркадием и две подружки Розы, каждая со своим женихом. Поженились три пары в один день - 30 января 1955, и праздновали все вместе за одним столом, поставленным буквой П.

Аркадий Симхович заканчивал институт, когда 20 июля 1956 года родился старший сын, Александр. Второе семья переехала в село Кукавка, куда по распределению отправили Аркадия Симховича. Там он заведовал кукавским ветучастком, в который входило 23 колхоза. В 1962-ом году родился второй сын, Вячеслав. В 1964-ом году Аркадия Симховича перевели в Могилев-Подольский, где он работал в ветеринарной лечебнице, а его жена устроилась бухгалтером. В этом городе семья прожила с 1964 по 2002 год.

Аркадий Симхович со временем стал заместителем главврача, а потом и глав-

ным ветеринарным врачом района: «я был хорошим врачом, не буду хвалиться, и меня не хотели отпускать на пенсию. Я потом еще занимался частной практикой, лечил собак и кошек, даже удалил зуб мартышке в цирке».

Оба сына после школы уехали учиться в Ленинград. Там они закончили вузы и женились: старший сын Александр на могилевской девушке, а младший Вячеслав на ленинградке.

Свадьбы сыновей

Комсомол и партия

Аркадий Симхович был комсомольцем и очень гордился этим. В 1976 году он вступил в Коммунистическую партию, и тоже чувствовал гордость. Когда семья переезжала в США, он не скрывал своего членства в партии, потому

что вступал туда не по идейным соображениям, а больше по нужде: «я устроился на хорошую должность – заместителем главного врача, и я не мог не быть членом партии, будучи на такой должности».

Эмиграция

Аркадий Симхович говорит, что в в 80-ых годах много евреев выехало из СССР, и что они провожали и родню, и друзей в Израиль. Однако, сам он не хотел в Израиль, «потому что там война всегда». А в Америку им не к кому было уезжать до тех пор, пока у жены сына не выехал один родственник и не вызвал тещу с тестем. Она затем вызвала сына Александра, а он потом вызвал родителей – Аркадия Симховича и Розу Семеновну. Они приехали в США в 2002 году. Младший сын, Вячеслав, по состоянию здоровья не мог ждать приглашения на выезд в США, вместо этого он поехал в Израиль. Там он он живет уже 14 лет.

У Аркадия Симховича и Розы Семеновны четверо внуков. У Александра две дочери, одна юрист (она окончи-

Внуки и внучки

ла Брендэйс), а вторая окончила Бостонский университет и работает дизайнером в Нью-Йорке. У Вячеслава два сына: один учится в Иерусалиме, а второй - в Хайфе.

На Украине после развала СССР Аркадий Симхович получал военную пенсию в размере 130 гривен (узников концлагерей приравнивали к участникам войны и давали военные пенсии), рабочую пенсию в 200 гривен и зарплату в 200 гривен. В общем, эта сумма составляла 200\$, и на эти деньги невозможно было выжить. Поэтому Аркадий Симхович занимался еще и частной прак-

тикой. По сравнению с этим, в США они с Розой сразу получали 800\$ на двоих, и эта сумма дошла со временем до 1500 \$. Они чувствовали себя достойно, «даже могли подарки хорошие делать».

*Память о войне
и связь с Могилевым
-Подольским*

Дом, в котором жил Аркадий Симхович, до сих пор стоит. Теперь в нем живет «хороший хозяин», который продолжает заботиться о доме. Волнует Аркадия и Розу то, что они не могут ездить в Могилев и ухаживать за могила-

Аркадий Симхович с женой Розой

Аркадий Симхович с женой Розой

ми. Поэтому они отправляют в могилевский комитет малолетних узников лагеря – жертв фашизма деньги, чтобы кладбище не было заброшенным.

До эмиграции Аркадий Симхович был активным членом этого комитета. Они ставили памятники на местах расстрела евреев, в районах бывших гетто, помогали друг другу. Кроме того, Аркадий Симхович активно работает всю жизнь, чтобы рассказать новым поколениям об ужасах войны, чтобы не пропала память о жертвах этой войны и о преступлениях фашистов и коллаборационистов. Он написал статью «Это не должно повториться» о своей истории в книгу «Жизни жгучей печали», статью «Память» в газету «Новое русское слово» в США в 2005 году, и еще одну статью в газету «Форму» к 65-летию освобождения узников концлагеря Мертвая петля.

Раиса Табачник

Записано Натаном Инкешта
от первого лица

Детство

Я не люблю отчества, давайте просто так: меня зовут Рая Табачник.

Я родилась в городе Балта Одесской области на Украине 4 июля 1923 года. В городе жили русские и украинцы и евреи. Когда мне было 9 лет, мы переехали в Тирасполь в Приднестровье, там я закончила школу. В школе я не была отличницей, но училась неплохо, двоек у меня не было. Мы все очень дружили – и девочки, и мальчики. Все это было чисто, красиво, не то, что сейчас молодежь. Я была в пионерах и в комсомоле, мне очень нравилось. Мы ходили на утреннюю зарядку, ходили в походы, весело проводили время.

Раиса с сестрами Алиной и Татьяной, с мамой и детьми

Мои родители, наверное, тоже из Балты, я не помню сейчас. Все наши родственники тоже жили в Балте. Мой отец, Борис Аронович, (тогда его звали Бенцион, потом его стали более по-русски звать) работал в магазине продавцом. Он умер очень рано, когда мне было всего 8 лет. Я его почти не помню, но знаю, что он был очень порядочный человек, к нему все приходили за советом. Я выросла с матерью, ее звали Фейбе - Фаня, она не работала. У меня было две сестры: одна закончила химический университет и работала в Тирасполе (она умерла в 2009 году), вторая закончила строительный институт (умерла в 2014-ом году).

Родители соблюдали некоторые еврейские традиции: праздновали Пасху. При мне Шаббат не отмечали. Может быть, это было при папе, но когда он умер и мы переехали в Тирасполь, этого уже не было. Мы праздновали все советские праздники: октябрьские, Новый год, 8 марта, 1 мая. Родители немного говорили на идише между собой. Я плохо говорю по-еврейски, только некоторые слова схватила. По-украински я тоже плохо говорю, потому что училась в русской школе.

До войны я закончила 10 классов и поехала на лето в Балту в гости к дяде Абраму (брат отца) и тете Хоне, чтобы отдохнуть перед поступлением в институт. Но тут началась война, и я попала в оккупацию на три года. Это очень тяжелое время, тяжело даже сейчас говорить об этом. Мне не хочется даже вспоминать.

Война

Я не успела никуда уехать и попала в гетто в оккупации. Нам говорили уходить из города в горы во время бомбежек, и я лежала на горе и видела, как пролетали эти мессершмитты очень

низко над нами. Мы боялись, что нас расстреляют из самолетов.

Немцы вошли в город в августе 1941-ого. Они шли хорошо одетые, в хорошей обуви. Мы смотрели на них, и нам всем было очень страшно. Все боялись. В Балте немцы расстреляли много евреев. Потом пришли румынские войска и устроили гетто. Это было несколько улиц, выходить за его пределы запрещалось, хотя местные жители могли заходить к нам. Еды в гетто было очень мало. На весь рабочий день давали половину круглого хлеба. Можно было эту половину скушать за 5 минут, но нужно было делить эту половину на кусочки на весь день. Человек, конечно, ко всему привыкает...

Мы работали с 5 часов утра. Зимой чистили снег, убирали улицы, летом и осенью работали на табачной плантации в пригороде. Мы лично поливали землю. Колодцы за два километра, и люди стояли цепочкой и передавали ведра друг другу. Надо было работать, иначе тебя избивали плеткой. Потом я работала на фабрике, где мы делали обувь - сапоги и валенки. Было очень сложно. Наш надзиратель был деспот. Если кто-то отвлекался немного, его клали на пол, снимали брюки и били ногами. Всем надо было смотреть, нельзя было отвернуться. Не хватало одежды. У меня не было обуви, только

старые открытые сапоги. Я газетами оборачивала ноги и потом надевала эти сапоги. Так ходили работать.

В гетто еще было много евреев, бежавших от немцев и согнанных румынами из Бессарабии. У меня были две подружки, Белла и Ева, которые жили со своей мамой в одной комнате. Они подобрали на улице совершенно чужую им женщину из депортированных, приютили у себя, чтобы она не умерла. Мой дядя был портной. Он пытался прокормить семью своим ремеслом. Из близлежащих деревень приходили люди с просьбой починить или сшить что-нибудь, а расплачивались, естественно, едой, хотя, конечно, это были крохи. У дяди был мешочек, где держали кукурузную муку - плату за его услуги. Так я потихоньку от дяди брала стакан муки и относила к этим подружкам, чтобы они не умерли с голоду. Всем не хватало еды, но надо было помогать друг другу.

Были люди, которые помогали нам. Румыны иногда помогали. Например, когда сильно заболела двоюродная сестра Клара (дочка тети Хоны и дяди Абрама), я пошла к румынским врачам, уговорила одного прийти посмотреть на нее. И он спас ее! В другой раз у дяди забрали швейную машинку, я опять пошла к румынам и выпросила машинку обратно. Были полицейские (рус-

ские ребята), которые помогали, а были еврейские ребята, тоже полицейские, которые потом их за это сдавали немцам. Всякое было. Вот однажды был такой случай: за мной пришел один полицейский. Он как раз еврей был. Он заставлял и к немцам на работу ходить, и в Германию отправлял людей. Он пришел гнать меня на работу, я отказалась, успела даже дверь запереть на крючок. Когда вернулась советская власть, его арестовали. Ко мне пришла его мать просить заступиться за него, встала передо мной на колени, хотела мне мешок винограда дать, но я прогнала ее. Ему дали 25 лет. Правда, очень скоро была амнистия, его (и многих других) выпустили. Он хотел прийти ко мне (я не знаю, хотел ли он извиниться), но не пришел. Он очень скоро умер после возвращения.

Был еще такой случай: тогда девочек молодых брали на какую-то работу, увозили их, но никто не знал, куда, и что с ними происходило. Соседи в нашем доме старики были. Старуха оципывала птицу, мясо продавали, а перья оставались. У них на балконе была бочка с перьями, меня толкнули в эту бочку, и я там лежала несколько часов, пока все не утихло. Так что меня не забрали.

Со своим мужем, Александром Табачником, я встретилась в гетто. Мы

познакомились у моих друзей. Потом он написал мне стихотворение: «я тебя встретил и понял, это навсегда». Мы и поженились в гетто. Тогда, конечно, нельзя было официально расписаться, но мы просто начали жить одной семьей. Его родители взяли меня к себе. Муж тоже перенес все ужасы гетто: у него был туберкулез позвоночника, и поэтому его не призвали в армию, а в гетто его заставляли разгружать тяжелые мешки из вагонов. Здоровье было подорвано на всю жизнь.

Нас освободила Красная Армия 29 марта, и это было счастье. Все люди выбежали на улицу, смеялись, танцевали, целовались, плакали...

Раиса с мужем Александром

После войны

Началась спокойная жизнь. Я вышла замуж (официально расписались) в 1946-ом году, у меня был очень хороший муж. Александр работал закройщиком обуви, он был лучшим специалистом. Я узнала, что мама и сестры пережили войну, что мама была эвакуирована. Я выучилась на лаборанта и поступила на работу в психоневрологический диспансер. В Балте родились наши дети: дочь Изабелла, мы зовем ее Элла, (1947-ого года) и близнецы Даниил (Дима) и Семен (1953-его года). У меня очень хорошие дети. Сыновья у меня строители. Дочка закончила школу с золотой медалью, потом закончила институт химического машиностроения в Москве.

В 1966 году мы переехали в Одессу, чтобы сыновьям было легче поступить в вуз и учиться. Это чудесный город, там прекрасный театр оперы и балета, лучший в России. Мы там бывали. Там Черное море и хорошие пляжи. Я работала в 16-ой поликлинике Киевского района лаборантом по забору крови и проработала там до 63 лет.

Раиса на работе в лаборатории

Каждый год мы праздновали день освобождения Балты – 29 марта. Мы собирались компанией, кто был, танцевали, пели песни, пили вино, гуляли. А здесь (Hebrew Rehabilitation Center) я не праздную. Кому это надо? Вот вчера был этот день. Я поплакала... Никогда бы не слышать этого слова – война. Я хорошо помню первый День Победы. Такая радость была: все бегут, радуются, целуются, ищут своих родных, все счастливы... Мы все были на улице. Все радовались. После войны мы всегда праздновали День Победы: это как Новый год - все собираются, гуляют, танцуют...

Даниил и Семен

Раиса с дочерью Эллой

Эмиграция

Сначала в эмиграцию уехала моя средняя сестра Татьяна со своим мужем Михаилом и сыном Борисом. Они уехали в 1995-ом году, и с ними поехала старшая сестра (Алина), у которой не было семьи. Они выслали нам визу, и мы с мужем и Семеном приехали в США в 1996-ом году. Дима и Элла тогда жили в Москве, они уехали один за другим: в 1996 и 1997 году. Мой внук, сын Эллы, уехал в Израиль и только недавно с семьей переехал в США. Я не могу сказать, что у евреев была плохая жизнь. Мы жили очень хорошо, лучшего мы не знали.

Раиса с семьей

Уезжали, чтобы быть всем вместе, чтобы не расставаться. Мой муж Александр умер в 2001 в Бостоне, теперь я здесь (Hebrew Rehabilitation Center), и мне скоро будет 94 года.

Нанутствие будущим поколениям

Не дай бог, чтобы такое повторилось!
Никогда бы не слышать слово война!

Раиса и Натан, 2017 год

Игорь Александрович Карлин

Записано Наталией Дубининой

Детство

Игорь Александрович Карлин родился 19 апреля 1920 года в бывшей Черниговской области, теперь это Сумская область, на севере Украины, в районном центре Середина-Буда. Это местечко находится на границе между Россией и Украиной. В этом многонациональном городе до войны жило 6 тысяч человек: русские, украинцы, татары, евреи.

Игорь Александрович родился в семье среднего экономического достатка. Папа, Александр Исаакович Карлин, 1887 года рождения был из Днепропетровска. Мама, Вера Савельевна, родилась в Середине-Буде в 1900. Оба родителя были из

еврейских семей, говорили на идише и по-украински. Отец сначала работал на производстве свеклы (Середина-Буда - известное свекольное место на Украине), а когда начался период НЭПа, в конце 1920-ых отец бросил работу на производстве и занялся кустарничеством: открыл домашнюю мастерскую по пошиву одежды для детей и взрослых. Оказалось, что выгоднее работать на себя, чем на кого-то. Они с женой работали вдвоем, иногда кого-нибудь нанимали в помощь, и доход у них был побольше, чем у средних рабочих, и за детьми могли присматривать лучше, и больше свободного времени у них было. Отец был кандидатом в партию, но насмотрелся на борьбу с кулаками и спекулянтами, и решил не вступать. По словам Игоря Александровича, он всю жизнь переживал из-за того, что знал и видел во время борьбы со спекулянтами.

Храм святителя Николая Чудотворца
Середина-Буда

В селе также жили родственники мамы, с семьей отца связь была потеплее. У Веры Савельевны были братья: Илья, Самуил и Иосиф работали в местной промкооперации. Младший брат Иосиф потерял руку в Первой мировой войне, когда ему было всего 21 год. Был еще старший брат мамы, Семен, у которого была многодетная семья, но он жил и работал в каком-то большом городе на Украине.

До войны в Середине-Буде было три православные церкви и одна синагога. По воспоминаниям Игоря Александровича, еврейская община была небольшая, пара сотен (из 6000 жителей), но все жили очень дружно. Он вспоминает, что бабушка (мамина мама) была очень верующей, и посещение синагоги было для нее обязательным делом. Она организовывала праздники у себя дома. Она жила с безруким сыном Иосифом, они вместе вели хозяйство. Ее муж умер еще в начале Гражданской войны от какой-то заразной болезни, возможно, тифа. Игорь Александрович вспоминает, что Пасху отмечали всегда, на другие праздники бабушка тоже приглашала. Она пекла булочки, для детей это было большое лакомство.

В семье было трое детей: старший брат Савелий, второй ребенок - Игорь и младшая сестра Марина.

Игорь Александрович закончил 10

классов школы на Украине и поехал учиться в Москву. Там уже жил его старший брат, который учился в физкультурном институте. Игорь Александрович поступил в дорожно-строительный техникум, где ему предоставили общежитие как иногороднему студенту. В техникуме он изучал строительство мостов и немного аэродромное строительство. После окончания второго курса их направили на производственную практику на границу в распоряжение войск МВД. Это

Игорь Александрович, 1940 год

был 1939-й год, уже было беспокойно, обстановка была накалена, СССР развернул на границе военное строительство, готовились к войне, но тайно: «мы строили военные аэродромы, военные ангары, бомбохранилища, газохранилища. Было видно, что миллионы вкладываются в это: там были не только московские студенты, но и ребята из других городов». Однако, по словам Игоря Александровича, все это строительство оказалось делом вчерашнего дня. Курсанты из военных академий, тоже проходившие там практику, удивлялись, зачем строят дзоты: ведь танки их обойдут и разрушат в один момент. «Тогда мы, студенческая молодежь, сообразили, что война будет немножко другой, и так оно и получилось».

Война

Когда началась война, Игорю Александровичу был 21 год, и его сразу же призвали в армию в 1941. Одновременно с ним повестка пришла и его брату Савелию. Его отправили в артиллерийскую школу, и он всю войну был артиллеристом. Савелий был ранен, лечился в госпитале в Москве, к концу

войны командовал батареей катюш, в 1945-ом был переброшен на Дальний Восток помогать Китаю и там встретил День победы.

Игоря Александровича призвали в Белоруссии прямо на границе во время практики, где они работали на строительстве военных укреплений между Пинском и Брестом-Литовским. «Нельзя сказать, что я попал в армию. Там трудно было воевать, потому что как такого фронта-то не было, немцы очень быстро продвинулись по нашей территории, мы были плохо вооружены, и наша военная наука хромала. От границы мы все в беспорядке отступали. Если о войне писать правду, это было бегство, а не отступление. Отступление - это когда взрывают за собой мосты, дороги, минируют местность, чтобы задержать противника и нанести ему потери, а мы просто бежали».

Игорь Александрович рассказывает, что на строительстве укреплений до войны рядом с практикантами работали советские заключенные: «в трех километрах от нас был лагерь для заключенных, и оказалось, что они не враги России! Они были настоящие патриоты, они не бежали, даже когда мы отступали, даже когда немцы буквально по пяткам шли. Армии не видно, пограничники где-то смешались с милицией, а заключенные идут по

четыре колонны, их ведут два охранника, не охраняют, а ведут! Вот это меня так впечатлило и травмировало. Оказывается, вот они какие «враги народа». Многих из них потом забрали в армию, кто-то погиб, но массового перехода к немцам у этих заключенных не было! Я тогда еще подумал: «что ж мы делаем?! Миллионы таких людей сажали - колхозников, заводских служащих - на 10, на 15 лет, разбивали их семьи. Я как-то прозрел, как можно так с народом обращаться?».

Первые дни и недели войны запомнились Игорю Александровичу как полный хаос: «я тогда думал, где же наша армия?! В голове осталось много хорошего о других годах войны, много было разумного, толкового, но первые дни были ужасны».

После поражений первых месяцев армия была реорганизована, появились новые призывники, ситуация на фронте стабилизировалась. Войска МВД, в которых служил Игорь Александрович, должны были заниматься подрывной деятельностью во время отступления наших войск. Их задачей было также восстановление того, что было разрушено фашистами на освобожденных территориях, и в первую очередь, промышленных предприятий, а также разминирование. Игорь Александрович вспоминает восстановление Улья-

новска, Подмосковья, самой Москвы. Конечно, по необходимости они вступали в бой, и Игорю Александровичу приходилось это делать неоднократно. Было много погибших. Он с теплотой вспоминает своих фронтовых друзей: «очень много приятных, хороших парней было!»

О капитуляции фашистской Германии Игорь Александрович узнал, как и его товарищи, из приказа по армии. Победа уже была в воздухе, но все равно, это был лучший день.

Савелий и Игорь Александрович потеряли связь в самом начале войны, но потом связь восстановилась, и когда Савелий лежал раненый в госпитале в Москве, Игорь его навещал. О судьбе родных они тогда ничего не знали, оба каждый день рисковали жизнью, защищая свою страну, и оба вступили в партию на фронте. Из их семьи они остались после войны вдвоем.

*Судьба родных на
оккупированной территории*

Когда началась война, родители Игоря Александровича и сестра Марина не успели эвакуироваться. Об их судьбе он узнал уже после войны, когда обра-

тился с просьбой установить судьбу родных в горсовет. Там работал приятель родственницы мамы, он написал письмо Игорю Александровичу, в котором подробно описал то, что случилось с его родителями и сестрой.

«Когда мы отступали, я писал письма своим, и брат мой тоже писал: «бросайте все и немедленно уезжайте! Куда угодно, как угодно, только на восток!» Но они замешкались с хозяйством – там же корова, свинья, куры, собака, дом – и было уже поздно. Железная дорога была перерезана немцами во всех направлениях, некуда было отступать, и родители с Мариной остались на оккупированной территории. Папа оказал сопротивление фашистам, и его повесили с 8 другими коммунистами, руководителями предприятий и начальниками станций в самом начале оккупации. Они все похоронены в братской могиле.

В ноябре 1941 года всем евреям было приказано явиться с вещами и документами в центр города, а тех, кто не пошел, полицейские вели под конвоем. Всех расстреляли. Перед расстрелом мама отказалась от своей дочери. Полицай (один из местных) тыкал в нее пальцем и говорил: «это ваша дочь?», а она сказала, что Марину подкинули ей маленькой. Тут вмешался священник, который сказал, что Марина из его

семьи. И так маму расстреляли, а Марина осталась. Я этого священника не знал, но слышал о нем и знаю, что папа был с ним в хороших отношениях до войны. Он удочерил Марину и окрестил ее. Он сказал, что везде будет ее защищать, что ее убьют только вместе с ним, и она жила. Но выжить ей не удалось. Осенью 1942 года кто-то из местных написал донос, что православный священник прячет у себя еврейскую девочку, и когда священник в церкви был на каком-то служении, местный палач ворвался в дом, забрал сестру, вывел ее на окраину и там расстрелял. Ей было 17 лет. Она похоронена в братской могиле, там же, где и родители».

После войны Игорь Александрович приезжал в Середино-Буду, но не смог прожить там больше одного дня. Он уехал совершенно разбитым. О том, что было после войны со священником, который пытался спасти сестру Марину, ничего не знает. Предатель, который написал донос, был арестован после войны НКВД, потому что кто-то из местных опознал его.

Во время войны погибли также и два брата мамы: старший брат Илья не уехал с Украины и погиб; Самуил был призван в армию в начале войны и погиб по дороге на фронт (в Брянск), потому что эшелон разбомбили немцы. Третий брат Иосиф остался жив: он

эвакуировался вместе с заводом автомобильного электрооборудования и работал всю войну в тылу.

После войны

После демобилизации оба брата – Савелий и Игорь – вернулся в Москву. Савелий закончил юридический институт заочно и всю жизнь проработал в арбитражном суде.

Игорь Александрович 4 года учился на заочном отделении строительного факультета и одновременно работал, сначала десятником (младший мастер в строительстве), потом уже прорабом: «работал и учился, было очень тяжело, нравилось, но сильно уставал. После окончания вуза я работал уже старшим прорабом, начальником строительного участка. Долго работал в дорожно-строительных организациях, в Главдорстрое. Потом решил переходить на проектирование и поступил на работу в проектный институт. Там я начал работать со старшего инженера, потом стал главным специалистом и потом начальником отдела. Мне очень нравилась эта работа, потому что я мог связать теоретические знания с практическим опытом. Там я проработал 20 лет».

Семья

Игорь Александрович познакомился со своей будущей женой Ириной Иосифовной в 1948 году, когда она только что закончила Московский институт строительства и коммунального хозяйства. Через полгода после знакомства они поженились. С жильем в Москве были большие проблемы, и молодожены жили с родителями жены или снимали комнаты. В 1949 году родился сын Александр, которого назвали в честь деда Игоря Александровича. У сына были художественные способности, но он закончил строительный институт и работал по этой профессии. Он был автором нескольких проектов, был руководителем проектной группы. В 35 лет он заболел раком мозга, и через два года его не стало. Игорь и Ирина привезли его прах с собой в Бостон.

В 1956 году родился второй сын Карлиных, Леонид. Он тоже получил профессию отца, закончил Московский строительный институт имени Куйбышева, факультет эксплуатации зданий и сооружений. Именно ему принадлежала идея эмиграции в США.

Эмиграция

«Откуда эта идея к Лене пришла, до сих пор не понимаю. Мы уехали в 1991-ом в смутное и очень неустойчивое время. Он стремился выехать, но у меня не было желания уезжать, потому что устраиваться и жить в новом государстве с новой культурой и историей в таком возрасте сложно. У жены тоже особой радости не было. И то, что мы уехали, я считаю это трагической ошибкой в жизни».

Игорь Александрович жалеет об отъезде из России: «ну, вот зачем человек едет куда-то? Чтобы найти для себя место. Но это многим не удается, они прикладывают огромные силы и

Игорь Александрович

переносят очень много неприятностей. Я не нашел себя в обществе, в моем возрасте перестраиваться под другую культуру, язык и историю невозможно». Ирина Иосифовна, по словам Игоря Александровича, тоже не хотела уезжать, но ехала ради сына. Она сейчас в очень тяжелом состоянии, никого не узнает и живет отдельно на другом этаже в Hebrew Rehabilitation Center.

О России

«Я одной фразой хотел закончить: о том, что Россия среди всех держав - хорошая страна. Много разговоров о России идет, то эти недостатки, то те, но она сумела найти такую систему, которая объединила многие нации,

Игорь Александрович с семьей

многие народности, и малые и средние и большие. И когда сейчас очень многие, особенно молодые специалисты, образованные люди, уезжают из России, это по легкомыслию (это я со стороны своей старости говорю). Это недопонимание. Ведь Россия дала очень много разным народам. Многие едут за призраком, что в Америке доллары на деревьях растут. Я бы хотел обратиться к молодежи России: добивайтесь своего положения в России! Это дается только трудом и образованием».

Игорь Александрович и Наталья, 2017 год

Виктория Самойловна Пекер

Записано Наталией Дубининой

Детство

Виктория Самойловна Пекер (Критман) родилась 16 августа 1941 года по дороге в эва-куацию из оккупированной Украи-ны. Родители Виктории бежали от немцев или из Черновцов, или из Каменец-Подольского, сама Виктория не уверена. Отца звали Самуил Изральевич (родился 13 октября 1906 года), а маму Рахиль Давыдовна (родилась 8 марта 1907 года). Мама была беременна и уже практически на сносях, поэтому Виктория родилась в дороге. Когда она родилась, мама воскликнула: «ой, она жива?! Что я с ней буду делать?». Виктория Самойловна понимает, что маленькому ребенку во время войны трудно было

Виктория с мамой, папой, братом.

обрадоваться. Год у девочки не было имени, пока семья не устроилась на новом месте в городе Куйбышев (теперь Самара). Детство было голодным. Старший брат вспоминал, как все время хотелось есть. До войны родители жили на границе (в районе Каменец-Подольского), где папа служил в погранотряде бухгалтером на военно-строительных участках, а мама была домохозяйкой. У них была дочка Дора, которая погибла еще до войны во время пожара в клубе на Новый год: на елке загорелись свечи. Всех не успели спасти, и Дора сгорела. У папы Виктории были обожжены руки и на всю жизнь остались покалеченными, а маму с трудом удалось вернуть к жизни. Она тяжело болела всю жизнь. Виктория думает, что мама не могла забыть первую дочку, и ей казалось, что она была талантливая, а Виктория – обыкновен-

ная. Однажды Виктория спросила маму: «если бы Дора была жива, меня, наверное, не было бы?», но мама сказала, что их было бы тогда трое.

Мама Виктории была очень талантливой женщиной. Она любила выступать и в детстве, учась в украинской еврейской школе, читала стихи на сцене. Рахиль Давыдовна научила и своих детей петь, декламировать стихи, вышивать. Виктория помнит, как они с братом вышили ей салфетку: «Поздравляем дорогую мамочку с днем рождения», чем доставили ей огромную радость.

О других родственниках Виктория Самойловна ничего не знает. Скорее всего, они все погибли во время войны, но помнит, что у родителей отца был магазин в Ямполе, и был старший брат, который учился в Петербургском университете на двух факультетах – юридическом и медицинском – и работал гувернером в семье одного высокопоставленного чиновника. Он принял участие в революции 1905 года, затем в 1917 году он был завпродот-

Виктория с братом

Виктория с братом и мамой

Учеба в институте, работа

делом Петрограда и организовывал комбеды (комитеты бедноты по сбору хлеба для бедных) на Украине в 1918 году. В конце Гражданской войны этот брат эмигрировал в США, но Виктория не смогла разыскать его следов.

Родители отмечали некоторые еврейские праздники (Пасху, Хануку, Йом-Киппур), но «не очень легально». Мацу отец тайком покупал в синагоге. Родители знали иврит, у них был молитвенник, они всегда тайком молились, но в синагогу не ходили. Виктория знала, что он лежит на шкафу, но никому ничего не рассказывала. На праздники к себе никого не приглашали, готовили правильные блюда, и вчетвером праздновали. Родители иногда говорили на идиш между собой, и Виктория Самойловна немного понимает этот язык.

В 1945 (или 1944 году) семья вернулась на Украину. Виктория хорошо училась и закончила школу с золотой медалью уже в Черновцах. Она решила поступать в медицинский институт, но не поступила. Она рассказывает, что к ней на экзаменах относились хуже, чем к другим (скорее всего, из-за 5 графы), а она была, по ее словам, незащитная, неконфликтная и ничего не сказала в свою защиту. По химии ей задавали вопросы не из школьной программы, а по физике комиссия поставила ей «четверку», хотя некоторые члены хотели поставить «пять». В результате, Викторию не приняли, и этот процесс так повлиял на нее, что на будущий год она уже никуда не хотела поступать. Вместо медицинского, по настоянию мамы, она пошла на вечернее отделение физико-математического факультета в Черновицкий государственный университет, и ее приняли. Это был первый выпуск вечернего отделения, в группе были одни девушки (парни со временем отсеялись). Виктория Самойловна до сих пор общается со своими бывшими однокурсницами. Во

время учебы на вечернем отделении, Виктория Самойловна работала на мебельном комбинате рабочей, клеила фанеру, работала и в сборочном цехе. Работу найти было очень сложно, нигде ее не брали, причин не объясняли, но было очевидно, что не брали из-за 5 графы. В итоге, на комбинат ее устроили по знакомству, и это было большой удачей. После института Виктория Самойловна пошла работать в школу, которую сама закончила, лаборантом по химии и физике. Кроме того, она еще вела 8 часов черчения, а потом ей дали преподавать математику. Наконец, в школе освободилось место по труду, и Виктория Самойловна стала учителем труда и домоводства. К тому времени трудовое обучение стало очень важным предметом, учебный план преподаватели могли составлять сами, и это очень привлекало в работе. Виктория Самойловна научилась разным видам рукоделия от мамы, сама по книгам и от знакомых. Кроме того, она закончила курсы кройки и шитья. Она может вязать крючком и спицами, плести макраме, шить и делать разные поделки.

В школе Виктория Самойловна проработала всю жизнь. Она очень любила свою работу и вкладывала в своих учеников всю душу. Со школьниками она выпускала стенгазеты в стихах к каж-

дму празднику, вместе с ними читала стихи в кружке, проводила математический КВН (который ее дети переименовали в КВМ – Клуб веселых математиков), придумывала занимательные игры и эстафеты, руководила подготовкой к фестивалю республик. В 1980 году Виктория Самойловна опубликовала статью в пятом номере журнала «Школа и производство» по межпредметным связям.

Уже работая в школе, Виктория Самойловна закончила три курса заочного факультета Тернопольского пединститута по трудовому обучению.

Знакомство с мужем и семья

Викторию Самойловну и ее будущего мужа, Михаила, познакомили их мамы, когда ей было 24, а ему 26 лет. Они были как-то знакомы и хотели устроить счастье своих детей. Виктория и Михаил встречались полгода, и на 8 марта Михаил сделал ей предложение: «мы были на концерте в филармонии, было художественное чтение «Праздник, который всегда с тобой» по Хемингуэю, и он мне сказал: «мы должны быть вместе». А потом мы пришли к моим

родителям и сказали им». После свадьбы молодожены поселились у родителей Виктории Самойловны. У них была отдельная комната. Вместе с родителями они прожили 32 года. Родители умерли

Виктория с мужем в день свадьбы

на руках у Виктории Самойловны, а потом родители мужа переехали к ним, и за ними Виктория Самойловна тоже ухаживала. Теперь она каждый год отправляет 50 долларов в Черновцы, чтобы там ухаживали за могилами.

У Виктории Самойловны в Бостоне живут племянники, дети брата мужа. Они очень дружат, и Виктория Самойловна очень гордится своими племянниками и их достижениями.

Эмиграция

Муж Виктории Самойловны сильно болел. Сэм, брат мужа, уехал раньше и

спонсировал их визу. Его двоюродная сестра очень помогла при переезде: собрала вещи, мебель, посуду для вновь прибывших иммигрантов. Все очень боялись за состояние здоровья мужа, а медицинское обслуживание на Украине становилось все хуже и хуже. Именно это и послужило главной причиной отъезда. Сразу же после приезда в Бостон, Михаилу сделали операцию на вены.

В эмиграцию Виктория Самойловна взяла с собой книги по кулинарии, вязанию, шитью. Она знала, что учителем с ее знанием английского ей не быть, но она даже не могла себе представить, чем бы она занималась в новой стране. Ее умения пригодились: она работала няней, портной в химчистке и шила на дому.

Виктория Самойловна говорит, что их представления об Америке были основаны на произведениях американских авторов (Азимова, Брэдбери), но, конечно, они не представляли себе всего. Больше всего ее поразило, что в Нью-Йорке подростки сидели прямо на полу и ели. Кроме того, поразило отношение медперсонала к больным: «здесь все делается для людей, а у нас только говорилось, что все для людей».

Больше всего Виктория Самойловна скучает по брату, который остался в Молдавии, и по мужу: «у меня был

замечательный муж. Он не мог сидеть без дела. По инвалидности он не должен был работать, но мы с ним ходили на курсы осваивать компьютер, как-то он даже премию получил за хорошую учебу в 500 долларов. Он делал налоговые декларации, был агентом телефонной компании, агентом бостонской независимой газеты. Он был такой юморист! Всегда шутил, называл меня «леди нашей квартиры». С 55-летием он поздравил меня в газете». В молодости для Виктории Самойловны героями были космонавты: «потому что это и железное здоровье надо иметь, и быть возвышенным человеком, и трезвым и грамотным и ученым». Сейчас к числу героев она причисляет и своего мужа: он сильный, добрый, оптимистичный человек.

В Америке Викторию Самойловну привлекает сама демократия. Она считает себя демократкой и очень лояльно относится ко всем. Она уверена, что всегда надо действовать добром, а не злом. В детстве она хотела знать, что люди думают: «я думала, нужно вставить возле сердца какое-то маленькое зеркальце, его можно будет направлять на людей, и можно будет узнать, о чем они думают. Такая была у меня мечта». Виктория Самойловна хочет, чтобы жизнь была светлой, чтобы не было слез и депрессий: «мы

все ищем счастье, только для всех оно разное». Она гордится тем, что все в своей жизни выдержала с достоинством, что у нее есть хорошие друзья, что ее уважают все и везде, что ее любили на работе и что ее мама гордилась ей. На вопрос, какие у нее планы, Виктория Самойловна отвечает: «ой, я столько еще всего хочу успеть! Книжку выпустить еще одну, например».

Виктория и Наталья, 2017 год

Зеленые глаза (The Green Eyes)

Мне красивые зеленые глаза
подарила-мать природа,
В них изумруд сияет чистый, как слеза,
И летняя погода.

Отблески морской волны
И тайна малахита.
Будем же глазам своим всегда верны!
Я Витамина-Вита.

I can see the color world
With my green eyes,
And it makes me so happy!
And it helps me also to be brave in life

Гимн Ленинграду (на музыку Рейнгольда Глиэра)

О город мой величавый, Ленинград!
Твой гордый облик нельзя позабыть,
Фонтаны твои, мосты, Летний сад.
О, Санкт-Петербург не могу не любить!
Пою тебе славу, о город Петра
И белых ночей неповторимый свет.
Мне кажется, что была здесь вчера.
Да здравствуй и здравствуй еще сотни лет!
Мне кажется, в России нет города
краше,
Мы все ленинградцы немного в душе,
И ты навсегда будешь в памяти нашей,
Желаем тебе вечно жить и хорошеть!

Boston

The wonderful city Boston
I see on the card
It deserves many beautiful posters,
I imagine them in my heart.

The urban buildings and highways,
Green parts of the city.
Cheerful words I can say
And send to Boston my greetings.

I see sunrise and suns.
Dry weather and in the rain it is wet.
The ocean brings the wind
In summer, and fall, in winter and spring.

High level of culture,
Many colleges and universities.
Full of students the whole town,
People of all ages are walking around.
The politeness of people
And almost no rudeness,
Smiling faces, good-natured,
And benevolent, and full of goodness.

Boston, Boston, our lovely city,
Your bridges and parks we adore.
All your places are so pretty,
I admire you more and more.

Стихи Виктории Самойловны

Ссылки

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Кафедральная_площадь_\(Вильнюс\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кафедральная_площадь_(Вильнюс)) Кафедральная площадь (Вильнюс)

http://myshtetl.org/vinnitskaja/images/jamp_0010.jpg Евреи, депортированные из Бессарабии. Ямполь. 1941.

<http://www.juedische-lebensgeschichten.de/content/Sheynman/I-008-Sheynman.jpg> Памятник евреям-жертвам концлагерей и гетто в Могилеве-Подольском.

<http://seredyna-buda.wikimania.org/photos/> Храм святителя Николая чудотворца в Середина-Буда

For more information about the Oral Histories Project, please visit
<http://www.brandeis.edu/departments/grall/russian>
or contact us at grall@brandeis.edu

Hebrew
Rehabilitation Center
Hebrew SeniorLife

HARVARD MEDICAL SCHOOL
AFFILIATE

Brandeis University